

Неиссякаемый источник творчества

Большой, кипучей творческой жизнью живет наш народ — героический строитель коммунистического общества. Каждый год, прожитый нами в труде и борьбе, — новая веха на трудном и славном историческом пути. И сейчас, накануне 38-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, партия зовет народ к новым победам коммунистического строительства. Призывы Центрального Комитета КПСС к 38-й годовщине Великого Октября ставят задачи, которые предстоит решать и нашим рабочим, и труженикам колхозной деревни, и людям науки, миллионам и миллионам советских людей. Во всех сердцах находит ответный отклик Призыв Центрального Комитета партии:

«Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотимся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, мобилизуем все наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунистического общества!»

Жизнь советского народа, его труд, стремления и чаяния — вот неиссякаемый источник, питающий художественное творчество. Главной темой советской литературы стала тема коммунистического строительства, главным героем — трудящийся человек, хозяин и творец нового общества. Все области жизни интересны и поучительны для писателей, но, естественно, внимание каждого сосредоточено на определенных участках общего фронта борьбы за утверждение коммунизма.

Многие мастера слова посвятили свои творения нашей деревне, нашему крестьянству. Это тема огромной важности. В советской деревне, перешедшей на рельсы коллективизации, произошел глубочайший революционный переворот, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года. Колоссальные изменения произошли и в сознании, психологии крестьянских масс. Наш опыт переустройства крестьянской жизни имеет общечеловеческое значение, и об этом еще раз даем, читая опубликованный вчера в «Правде» доклад Мау Цзю-дуна «Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве».

Отражая жизненные перемены, советские писатели создали произведения, правдиво выражающие пафос строительства социализма. Наше искусство обогатилось таким шедевром, как «Поднятая целина» М. Шолохова. Светом жизненной правды пронизаны такие книги, как «Брусники» Ф. Панферова, «Страна Муравия» А. Твардовского. Под пером лучших писателей-реалистов село, колхоз предстают как неразрывная часть советского общества, у их героев мы находим характерные черты наших современников, в изображенных конфликтах узнаем проявления идущей повсюду борьбы нового против старого. Здесь нет какого-либо «искусственного» тематического ограничения. Жизнь деревни нарисована в многообразных связях с городом, с рабочим классом. И вместе с тем она передана в своих неповторимых конкретно-исторических особенностях.

В наши дни советский народ с новой энергией борется за дальнейший подъем сельского хозяйства. Решения и указания Коммунистической партии и Советского правительства определили грандиозную программу общенародных усилий. На селе ведется настойчивая борьба за дальнейшее укрепление колхозного строя, за дальнейшую механизацию сельского хозяйства, за новый принцип планирования, за широкое развитие инициативы народа. Все эти процессы рождают новые темы, сюжеты, конфликты, которые должны отражать литература.

Народ хочет, чтобы литература правдиво и убедительно показывала сегодняшний день колхозного села. Его решительно не удовлетворяют как книги, написанные с позиций «теории» бесконфликтности, лакирующие колхозную действительность, так и книги, лишённые чувства нового (а ведь и те и другие иной раз выходили в свет). Зато с большой заинтересованностью встретили читатели повести, очерки, рассказы В. Овечкина, В. Тендрякова, А. Калинин, Г. Николаевой, Г. Тропольского и другие произведения, авторы которых подметили черты современной деревни и заняли при ее описании активную позицию борцов за новое, против всего, что мешает колхозному строительству. В этих и других наиболее удачных книгах есть драгоценное для литературы качество — глубокое знание действительности, постановка новых общественно-важных вопросов. Но не секрет, что и поныне появляются произведения, односторонне рисующие деревню, изображающие ее в отрыве от социалистического деревня. Выходит немало книг серых, поверхностных, только регистрирующих события, лишенных ярких, глубоких образов.

Все жанры и формы литературы одинаково значительны для разработки жизненно важной темы колхозного строительства. Нужны и боевой, оперативный очерк, и рассказ, и пьеса, и стихотворение, и было бы неправильно отдавать предпочтение одному жанру в ущерб другим. Хорошо, что активизировался очерк, лучше выполняющий ныне свою роль разведчика нового. Но романов, поэм, пьес, киносценариев о колхозной деревне выходит крайне мало. Наши писатели должны помнить о необходимости создания монументальных произведений, в которых широко и полно отражается жизнь колхозной деревни, изображаются большие явления современности, большие характеры советских людей.

Читатели справедливо выражают неудовлетворенность тем, что за последние годы не создано произведений, которые можно было бы поставить рядом с «Поднятой целиной», новые главы которой явились поучительным примером великого художественного мастерства. Они правы в своих суждениях, что писатели пока что не показали с необходимой глубиной и яркостью жизнь, труд, внутренний облик людей деревни — наших современников, их сложные, самобытные характеры. Понятно желание народа получить больше полноценных произведений, построенных на широком художественном обобщении, насыщенных не бесплодными тенями, а живыми, близкими и понятными им людьми.

Насильно удовлетворяет литература таким требованиям, чего она достигла, что предстоит сделать? На эти вопросы призвано ответить открывшееся вчера Всесоюзное совещание литераторов, пишущих о колхозной деревне. Обсуждение вопросов, односторонне рисующих деревню и требующих ее в отрыве от социалистического деревня, является важнейшим творческим проблем и прежде всего проблемы изображения многогранных характеров наших людей. Задача этого — создание атмосферы содержательной товарищеской дискуссии, дискуссии на базе серьезного осмысления явлений литературы, рассмотрении вопросов литературы в органическом единстве с вопросами жизни.

Живая жизнь народа вдохновляет и будет вдохновлять советских писателей на создание произведений, достойных нашей великой эпохи.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Сегодня — 100 лет со дня рождения И. В. Мичурина

Живое наследие

«СОВОКУПНОСТЬ НОВОСТЕЙ»

На частных агрономических курсах, организованных в конце прошлого века Докучаевым, Дмитрием Ивановичем Менделеевым поделился своими мыслями о путях развития сельского хозяйства.

Надо, чтобы и здесь, так же как в промышленности, человек, пользуясь законами природы, обогнал ее, создавая еще не существующее в ней. И, поясняя свою мысль, великий ученый сказал:

— Можно идти и до производства из рабыни фрукта на славу, по широте спроса, по вкусу и пользе... Надо начинать переводом, пользуясь примерами искусственного разведения рыб, виноградников, разведения хлеба, роз и т. п. Только тогда можно надеяться на открытие многого нового, неизвестного, а совокупность таких новостей может глубоко повлиять и на науку и на практику сельского хозяйства.

Когда сейчас перечитываешь запись этой лекции, кажется, что Менделеев знал о Мичурине, думал, говоря это, именно о нем. А когда узнаешь, что через несколько лет после этого рабыня с черными сладкими плодами была — создана, то удивляешься, как получилось, что Мичурин, не знавший об этой мечте Менделеева, воплотил ее в жизнь.

О рабыне «Ликерной», созданной им в 1905 году, и о рабыне «Бурка» со сладкими красно-бурыми плодами (год рождения 1918) Мичурин писал в своем докладе-отчете Владимиру Ильичу Ленину. Позже, в 1925 году, им создана была рабыня «Гранатная» — дитя простой горькой рабыни и сибирского боярышника. «Мичуринская десертная» рабыня (год рождения 1926) стала самым северным плодово-ягодным деревом в мире. И последняя, карликовая «Черноплодная», Иван Владимирович вывел ее как кустарника для полезательных лесных полос.

Превращая горькую рабыню, эту злущую природу, во «фрукт на славу», Мичурин познавал общие законы живой природы. «В конце концов оказывается, — писал он, — что сложней строения гибрида лишь в 1/10 зависит от производителя, а в 9/10 от влияния внешней среды».

Так оправдалось предвидение Менделеева и о том, что при создании «из рабыни фрукта на славу» будет открыто много нового, неизвестного, неожиданного, но чрезвычайно важного для науки и практики. Именно в процессе передачи природы растений в интересах человека, в работе, где биологическое исследование сочетается с агрономическим производством, и создано было мичуринское учение.

Мичурин в понятие «организм» включил условия его жизни. В этом — коренное отличие его учения от всех других биологических теорий. Он разработал принципы подбора исходных форм для гибридов. Но это была одна десятая дела. Как живописец, Мичурин открывал свои гибриды яркому солнечному свету или затенял их. Как воспитатель, устанавливал их груду от открытому ветру или оберегал от него. Как строгий врач, следил за истой, дозируя влагу, по-своему приготавливая пищу. Управляя подвластными ему условиями жизни, он сознательно изменял свойства растений и, создавая новую наследственность, творил новые формы.

ВО ВСЕМ МИРЕ

Пять сортов рабыни, над созданием которых Иван Владимирович работал более четверти века, — это лишь ма-

лая доля его огромного, в буквальном смысле слова живого наследия. Более трехсот новых сортов яблонов, груш, вишен, слив, абрикосов, винограда, актинидии, ежевики, малины, клубники, ореха, дыни, табака, лилий, роз и других плодовых деревьев, ягод, овощей, цветов создано им за шестидесять лет своей работы.

В дореволюционной России все плодовые сады и ягодники занимали 650 тысяч гектаров; в наши дни только теми сортами, которые выведены лично Мичуриным, занято свыше 300 тысяч гектаров.

Но, кроме зеленого, пушистого многостебельного вершинами наследия, Мичурин оставил народу и другое полезное живое наследие — свой метод. Его материалистическое учение, победоно развиваясь, освещает дорогу творческой практике миллионов земледельцев.

Мичуринское движение перешагнуло границы нашей Родины. «Мичуринизм» — так сначала назывался журнал, издающийся в Германской Демократической Республике. Затем он был переименован в «Мичуринский кружок», а с 1954 года называется «Мичуринское движение». Эта смена названий уже сама по себе наглядно отражает все большее распространение мичуринских идей.

«Мичуринизм» — так называется журнал Союза французских друзей Мичурина, издающийся в Париже. «Земля в цвету» — назвали свой журнал английские мичуринцы. Страницы газеты испещрены непонятными терминами: среди них фотографии большого зала, переполненного сотнями людей. Над президиумом — большой знаменитый портрет Ивана Владимировича. Это — Всеяпонский съезд мичуринского общества в Токио.

Страницу за страницей перелистаю я годовые комплекты всеяпонской мичуринской газеты «Ина-но ногю». Рядом лежат комплекты местных мичуринских газет этой страны. Их недавно привезли в Москву японские парламентарии и передали академику Лысенко в дар от мичуринцев Японии.

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА

Случное, казалось бы, заглавие: «Два новые выносливые для севера сорта яблоны, выведенные из семян И. В. Кузьминим в г. Ветуге, Костромской губ.». Но какие страсти, какая сложность переживаний, цельность характера открываются, когда узнаешь о том, что стояло за этой статьей Мичурина.

Сад, в котором Иван Владимирович столько лет занимался акклиматизацией плодовых деревьев, полностью погиб от морозов. Это несчастье потрясло Мичурина. Разочарование в методах акклиматизации Греля, горичин, сторонников которого он вначале был, повергло его в глубокое душевное смятение. Но то был Мичурин, он вновь начинает работу и на избранном им новом пути совершает открытие, ставшее краеугольным камнем его теории: акклиматизировать плодовые культуры на севере можно только путем посева семян. Тогда развитие организма начнется заново, а на ранних стадиях развития растение более податливо, пластично. И вот в это самое время Иван Владимирович получает от крестьянина Кузьмина посылку с плодами двух новых, выведенных им сортов яблонов. В письме Никанор Воинович Кузьмин рассказывает о том, что эти выносливые яблоны выведены из семян. Своим путем он пришел к тем же выводам, что и Мичурин.

Сад, в котором Иван Владимирович столько лет занимался акклиматизацией плодовых деревьев, полностью погиб от морозов. Это несчастье потрясло Мичурина. Разочарование в методах акклиматизации Греля, горичин, сторонников которого он вначале был, повергло его в глубокое душевное смятение. Но то был Мичурин, он вновь начинает работу и на избранном им новом пути совершает открытие, ставшее краеугольным камнем его теории: акклиматизировать плодовые культуры на севере можно только путем посева семян. Тогда развитие организма начнется заново, а на ранних стадиях развития растение более податливо, пластично. И вот в это самое время Иван Владимирович получает от крестьянина Кузьмина посылку с плодами двух новых, выведенных им сортов яблонов. В письме Никанор Воинович Кузьмин рассказывает о том, что эти выносливые яблоны выведены из семян. Своим путем он пришел к тем же выводам, что и Мичурин.

Впервые увидел я его в 1919 году. Совсем еще молодым агрономом я был назначен в Болотовский уезд инструктором по садоводству и огородничеству. До этого о Мичурине знал мало. И вот однажды, в воскресенье, бродя по совсем еще не знакомому городу, я зашел в его сад на Донской слободе. Представлялся. Принял он меня не очень приветливо.

— Выходит, начальством моим будете?
— Да нет, — смущенно ответил я, — какое там начальство; помогать бы нам хотел.

— А ты помоги, — сказал он, сразу меняя тон. — Ты мне извести доставь. А что надо деревья приписать, да нечем.

Посылая ему извести, я и не думал, что этим как бы экзамен сдать. А было именно так. Долгие годы Ивану Владимировичу досаждали люди, приходившие к нему, чтобы поглядеть на диковинное яблоко или попробовать его. Дореволюционное праздное колхозное общество не прочь было включить посещение удивительного мичуринского сада в скудный перечень своих развлечений. Попыток устроить нечто вроде пикника в саду Ивана Владимировича было немало. Мичурин со свойственной ему резкой прямотой, увидев у себя веселящихся чиновников и их раздетых дам, просто поворачивался к ним спиной и уходил в дом.

Но куда девалась вся его «необычайность», когда Мичурин встречался с рабочими, железнодорожниками, служащими, крестьянами, с которыми он был близок в течение всей своей жизни! Тесная длительная дружба связывала его с контролером Ершовым, инженером Грудни, машинистом Севастьяновым, токарем Колосовым. Часто навещали Ивана Владимировича врачи городской больницы Верещанин

и Мокрова. Для этих гостей и сад и дом Ивана Владимировича всегда были открыты. Многие из них заразились его страстью к садоводству. От суровости Мичурина и следа не оставалось, как только приходил обнаруживать искреннюю любовь к делу, желание работать.

Забывчивость о людях была, пожалуй, самой характерной чертой Мичурина. Как у многих людей с поистине большой душой, за суровой внешностью скрывалась в нем большая любовь к человеку, истинная, деятельная доброта, лишенная внешней чувствительности.

Особенно деятельно, я бы сказал, страстно, забоялся он о научном росте каждого из своих сотрудников. И если дело требовало борьбы, он боролся за них. Помнится, году в 1927-м один из молодых работников мичуринского питомника посылал в какой-то московский журнал статью, в которой на основании добытых им фактов доказывал влияние внешних условий на образование сорта растения. Статья эта долго проверялась и изучалась, пока, наконец, не вернулась к автору с ответом, что-де работа его носит «научный характер».

Как же вознегодовал тогда Иван Владимирович! Своим глубоким, злым басом он долго и яростно поносил «маргаритовых спесов», которые наукообразные термины ставят выше научных фактов. Но этим дело не ограничилось. Тут же, усевшись за свою пишущую машинку, быстро и зло попарок, набело написал резкий, язвительный ответ редактору журнала. Сейчас его можно прочитать в собрании сочинений И. В. Мичурина. Это статья «Бюрократизм в науке», в которой он расправляет с

Страстность ученого

Из воспоминаний о Мичурине

Практически все, что игнорирует практические работы, прикрывая свое равнодушие к делу мнимой ученостью.

Удивительно было умение Ивана Владимировича разбираться в людях, определять их работоспособность, их призвание. Он умел раскрыть, вырастить в человеке доброе зерно, развить его способности, дать им проявиться в полную силу.

У Мичурина не было специальных уроков, лекций, фиксированных часов занятий. Он учил нас, не поучая, а живя и работая рядом. И учил не «узкой специальностью», но широко раскрывая перед учениками все содержание научной работы, ее методику, ее смысл.

Так, проходя по саду вместе со своими учениками, он, словно мимоходом, говорил: — Что селекционеру нужно? Зоркость глаза, тонкое обоняние, точность вкусовых ощущений. Без этого нет селекционера.

Сам он не раз демонстрировал эти свойства. Бывало, проходя в ветреную погоду по участку и внимательно приглядываясь к растениям. И тут уж ничто не ускользнет от его внимания, от его зоркого взгляда. Заметит, и как лист опущен, и как прилипнет, и форму ветви или почки.

— Залиши, — всегда требовал он. — На память не полагаться. Память может подвести.

Однажды Иван Владимирович, проходя по саду, заметил в мощной кроне яблоны один черенок, отличающийся от других. На нем были плоды больше, иначе окрашенные, даже как будто много яблок. Это

Получив эти яблоки и узнав их историю, Мичурин оказался в том же положении, в каком был Дарвин, когда Уоллес прислал ему свою рукопись, содержащую идеи, тождественные во многом с идеями Дарвина. Великий натуралист одновременно и вместе со своей рукописью обнаружил рукопись Уоллеса, чтобы показать, что каждый из них самостоятельно пришел к одним и тем же выводам, и этот случай по праву стал хрестоматийным примером бескорыстия человека большой души.

Если бы Мичурин просто отослал в журнал письмо Кузьмина, вовсе не предназначавшееся для печати, то уже одно это было бы благородно. Мичурин поступал иначе. Он пишет яркую статью, где точное описание новых принципов селекции сочетается с патетической речью в защиту человека, который «потратил все свои маленькие сбережения на покупку двух десятков земли для целей плодородия, в настоящее время не может за недостатком средств производить необходимую обработку земли...».

В этой статье, опубликованной в 1907 году, «согласился с неоспоримой истиной выводов господина Кузьмина», Мичурин ни одним словом даже не упоминает, что это и его выходы и его истина, которую он открыл раньше, чем Кузьмин.

Для него превыше всего истина! Поступок Мичурина требовал не меньшего душевного величия, чем повеление Дарвина в истории с Уоллесом. Но ученые друзья Дарвина сразу же по достоинству оценили его поведение и сделали в названии потомству достойным истории. Статья же Мичурина, делающая его образ еще более пленительным для нас, затерялась сначала в комплектах журналов, а затем, перепечатанная в собрании сочинений, так и не была по-настоящему прочитана.

Новое всегда рождается в боях, и понятно, что каждое новое открытие Мичурина и продолжателей его дела встречало и встречает сопротивление отдельных групп ученых.

К черте советской литературы надо сказать, что, как правило, она в этой борьбе поддерживала Мичурина и мичуринцев. Это особенно важно отметить сейчас, когда проходит Всесоюзное совещание литераторов, пишущих на колхозные темы.

Алексей Максимович Горький еще весной 1928 года поднял свой голос в защиту учения Мичурина. «Мы живем в эпоху, когда расставание от самых безумных фантазий до совершенно реальной действительности сокращается с невероятной быстротой», — писал он в статье, вдохновленной жизнью и творчеством «нашего гениального Ивана Владимировича Мичурина». Это было сказано за двадцать лет до того, как Академия наук в официальном решении признала мичуринское учение.

Советская литература всегда оставалась верна и этой горьковской традиции. Книга В. Сафонова «Власть над землей», пьеса А. Довженко «Жизнь в цвету», биографические рассказы Вяч. Лебедева и многие другие книги, защищающие мичуринское учение в его развитии, писались до известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Каждое из этих произведений имеет свои достоинства и свои недостатки, но все вместе они способствовали тому, чтобы мичурин-

ские идеи, овладевая массами, стали материальной силой.

И сегодня наша литература различных жанров отражает дальнейшее развитие мичуринского учения и мичуринского движения. Этому посвящена научно-художественная книга Ю. Долгушина «В недрах живой природы»; о борьбе мичуринцев Сибири повествует недавно опубликованный в «Сибирских огнях» роман А. Коптелова «Сая»; «Зеленая книга» — назвал Р. Агншев свой роман о мичуринцах Дальнего Востока, работающих на западных берегах Японского моря.

А на восточных берегах этого моря вышел роман «Долгая яризация» писателя Курбаева Юбуо, рассказывающего об успехах японских крестьян, пользующихся открытиями мичуринской науки.

Немецкий поэт Бертольд Брехт в поэме о просе воспел подвиг казахского колхозника Чаганака Бериева. Французский писатель Луи Арагон в блестящих поэтических выступлениях пропагандировал мичуринское учение.

Приветствия меня при вручении Международной премии мира, Беркер оказал мне великую честь, сравнил мои заслуги в биологии с заслугами Пастера и Мичурина, — говорила Жюзе де Кастро, бразильский писатель и ученый.

Мичуринские идеи входят в произведения многих советских писателей. И не только такие, которые прямо посвящены проблемам, связанным с агробиологией, как, к примеру, «Плоды» о чудесном одуванчике» А. Аграновского или только что вышедшая биографическая повесть Вл. Елагина «Пель жизни» — о замечательном животноводстве И. Иванове. Эта тема органически входит в те произведения, посвященные колхозной жизни, где речь идет о самом главном в литературе — о воспитании характера.

Конечно, содержание повести А. Муромова «Стояры» и повести Л. Воронковой «Бесплодный человек» — не агротехника проза и не способы воспитания телит, но это те насущные вопросы, которые в жизни каждого должны решать тысячи и тысячи людей колхозной деревни. Показывая такую борьбу, преодолевая настоящие, а не выдуманные трудности, и смогли писатели показать становление характеров своих героев, их своеобразия. Даже в повести И. Дубова «Сирота», казалось бы, совсем далекой от агротехнических проблем, летняя посадка картофеля становится как бы оседлом, на котором оттачивается взаимоотношения и характер двух героев повествования. В повести Гр. Бакаланова «В Снегирях» недвоякие предстаете лад колхоза к девушке-агроному начинают расставаться, когда он узнает от нее о новом поезде для хозяйства открытия мичуринской науки.

Все это — правда, потому что немалым сейчас дальнейшим подъемом сельского хозяйства без мичуринской агротехники.

Созерцательное отношение к природе, столь характерное для старой литературы, сменяется творческим, активным отношением, желанием участвовать в ее и превратить землю, как сказал Горький, в «прекрасное жилище человека». Этот «взгляд преобразователя» естественно и необходимо проникает в мироощущение советских писателей, и в этом — качественное отличие нашей литературы. Здесь сливаются горьковская и мичуринская традиции.

Михаил Пришвин, ощущавший природу необычайно чутко, в своем очерке «Заполненный мед» рассказал о том, как в 1950 году наш север впервые получил своих пчел. И, вспоминая о первых своих путешествиях в край непуганных птиц, он задает себе вопрос:

«Почему же ты сам в свое время не предложил обществу привезти на север пчел? Каждый цветок на севере ждет пчелу, и ты мог бы сделать такое доброе дело...».

Пришвин находит ответ на этот вопрос.

В юности, когда разом начинал бороться с легендой о проклятии колхоза, нас встречал чудовищный «закон» Мальтуса, отдающий человека в вечное рабство природы. Потом наш взрослый человек давал присягу верности царю, венчающему косяком человека в природе. Это чувство обреченности распространялось на все — и на то, что пчелы не могут жить на севере.

«Вот отчет, наверно, — писал Пришвин, — и я в своей доле тоже раб своего века, проходил по тундре в одежде, мокрой от меда, и не догадываясь сделать усилие и доставить на север пчелу».

В самую сердцевину поэзии проникла страшная мысль Мичурина о том, что мы теперь можем смешиваться в действия природы, что мы можем «вызвать в жизнь существа будущего, которым для своего появления надо было бы прождать века». И не случайно очерк Пришвина завершается гимном творческому преображению природы:

«Теперь там, где я когда-то бродил в смущении перед чем-то неизбежным, похожим на смерть, выросли настоящие города, полярной ночью стало светло, как днем, разные овощи стали вырастать, как и у нас. И вот на столе моем в хрустальных вазочках, играя ответами при электричестве, лежит ароматное целебное вещество, запольный мед, небывалый в природе и обязанный своим бытием только усанию нового, освобожденного человека».

Мичуринское учение стало ныне неотъемлемой частью мировоззрения советского человека. Оно вошло в арсенал нашего народа как важнейшее оружие в борьбе за лучшую жизнь народа.

Будущее принадлежит Мичурину!

Геннадий ФИШ

— Что ты тут написал! — с горячностью воскликнул он. — Какая там может быть селекция? Гаупост!

Надо представить себе, как был огорчен начинающий автор этим резким тоном. А на следующий день, во время традиционного вечернего чаепития у Ивана Владимировича, на которое собирались все работники питомника, Мичурин, появившись за столом, сразу же заявил:

— А ведь я неправ. Замечательное он дело сделал. Да что это его нет? Позвать его, сейчас же позвать!

И как всегда, не ограничиваясь одними словами, написал об этой работе отзыв, в котором настоятельно рекомендовал издать ее, и вместе со своим письмом отправил в издательство.

Работа истинного ученого — это всегда продвижение в область неизвестного. Открытию всегда предшествует загадка, тайна. Поэтому, должно быть, нет и не может быть такого ученого, которому всегда и повсюду удавалось бы все его начинания, у которого не было бы ошибок и неудач. Были они и у Мичурина. Но с каким великолепным мужеством переносил он их и преодолевал.

Помню, в 1929 году, в особо суровую зиму, вымерзал чуть не все яблоны антоновских сортов. Надо представить себе, как удручены были мы все этим тяжелым уроном.

А Иван Владимирович был бодр, даже как будто весел.

— Огорчаться нельзя, — говорил он, подбадривая нас. — На зиму пенять нечего. Она наш неподкупный судья, наш строгий и справедливый браковщик. Вы-

мерзали яблоны? Значит, мы должны создать такие, чтобы не вымерзали.

Известно, что такие яблоны были им созданы. Другой раз, года три спустя, прошел на редкость сильный и крупный град. В саду, на гибридном участке, на всей территории питомника, земля была завалена сбитыми побегами, сорванной травой, мертвой листвой.

И опять один лишь Иван Владимирович не потерял спокойствия.

— Ну и что же, что град? — сказал он. — Мы селекционеры, и, значит, мы выращиваем десятки тысяч новых деревьев; не так-то легко одолеть нас!

Лишь один раз за все годы видели мы на глазах у Ивана Владимировича слезы. В тот раз он плакал открыто, не стыдясь своих слез, не стараясь их сдержать. Это было зимой 1924 года, когда до нас дошла весть о смерти Ленина.

Мичурин писал о Владимире Ильиче: «Едва только окончилась гражданская война, как на мои работы обратил внимание не кто иной, как светлой памяти Владимир Ильич Ленин. По указанию Владимира Ильича в 1922 году мое дело получило невиданный размах».

Тогда же он сам, никому не доверяя этой работы, сделал рамку для портрета Ленина и портрет этого помещил над своим рабочим столом.

И сейчас на том же месте находится Ленинский портрет, как память о гениальном воле советского народа и как знак великой любви к нему замечательного ученого.

И. ГОРШКОВ,
доктор сельскохозяйственных наук,
директор Центральной генетической
лаборатории имени И. В. Мичурина

МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ЖИЗНИ

ФЕЛЬЕТОН **Необходимый предел обороны**

Заметки о прозе в журнале «Иностранная литература»

Вчера вечером в Союзе писателей началось Всесоюзное совещание литераторов, пишущих на колхозные темы. Для участия в совещании собрались свыше трехсот прозаиков, поэтов, драматургов, критиков из Москвы, Ленинграда, областей и республик страны. На совещании, которое продлится несколько дней, должны быть обсуждены актуальные проблемы литературного творчества. Наряду с писателями приглашены председатели колхозов, директора МТС, специалисты сельского хозяйства, ученые. Участники совещания ознакомились с главными из новых произведений, посвященных колхозной теме.

Учитывая пожелания литераторов, решено организовать встречи участников совещания с работниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и руководителями Министерства сельского хозяйства СССР.

Совещание открыл секретарь правления Союза писателей В. Смирнов.

Он напомнил об известных успехах, о неугасающей энергии литературы за последние годы, отмечая, как знаменательное достижение, новые главы романа «Поднятая целина» М. Шолохова, указывая на успехи молодых литераторов, говоря о достижениях в области художественного очерка.

Однако эти достижения были бы гораздо большими, если бы им не мешало резкое деление нашей литературы на колхозную, производственную и т. д. За последнее время при разработке колхозной темы писатели берут и решают ее в полном или почти полном отрыве от жизни всего советского общества, в отрыве от рабочего класса, от города. Задача всех наших писателей — создать широкие, цельные, синтетические картины жизни, которые показали бы самые существенные стороны советской действительности в целом.

Общая дискуссия на тему «Новое в колхозной деревне и задачи художественной литературы» началась докладом Валентина Овечкина.

Остановившись на тех острейших вопросах, которые приходится сегодня решать труженикам села, докладчик подчеркнул, как особенно важна в нынешних условиях помощь умного, вдумчивого писателя, с ответственностью относящегося к своему делу. Проанализировав ряд произведений на колхозную тему, вышедших за последнее время, В. Овечкин подробно говорит об очерке.

В заключение докладчик подчеркивает, что за окончательное осуществление решений ЦК нашей партии в области сельского хозяйства нужно еще бороться и бороться. А для этого необходимо, чтобы писатели активно, смело встроились в жизнь, глубоко изучали ее процессы.

Волга меняет русло

Каждый час мы узнаем что-то новое. События на строительном Куйбышевском ГЭС так много и решаются они на таком обширном пространстве, что не под силу охватить их разом. Мы узнаем — выключены все 220 насосов, которые отключали глубинные воды из котлована. И вскоре мы видим — автомашины вывозят разобраные части насосов. Мы узнаем — заканчивается разбор шпунтовой стены. И видим — слегка вздрагивая торчащая над водой последняя шпунтина, всплывают пузыри вокруг нее: это вода раз режет шпунтину «под корень». Мы узнаем — поставлен на место последний сцеп наплавного понтонового моста. И видим — люди впервые посуху переходят на левый берег.

Выстроившись гуськом, мощные тракторы вытаскивают наверх гигантскую ферму демонтированного кабельканала. По дну котлована ползают бульдозеры, очищая дно от мусора и земли.

Из-под высоких земляных гор и куч строительного мусора, из-под штабелей бетонных плит и металлических ферм, из-под густой паутины проводов и переплетений ажурных стелл кранов проступили четкие, величественные очертания сооружаемой электростанции. Глазам открылась вся исполинская бетонная чаша — дно котлована. В этой чаше лежат поменьше бы с десяток стадионов, равных по размерам московскому стадиону «Динамо». Поперек котлована высятся десятиэтажная громада ГЭС.

На оголовье земляной перемычки, высоко над Волгой легендарная «Девятка» — экипаж экскаватора имени партизана Железнякова. Первым он начал выемку третьего миллиона кубометров грунта на строительстве Куйбышевского ГЭС, первым он насадил первую маленькую глыбу в котловане и в шпунтовой стене. Машинист Борис Коваленко кричит отбьюжающему шоферу:

— Врешь от меня камешек, Коля! И через несколько минут восемью тонными «камешек» обрушивается в Волгу. Улучив минуту, экскаваторщик, выбрав огромную глыбу, пшут на ней маузом: «Привет судачкам». Веселое, праздничное настроение у механизаторов!

Отсюда, с оголовья, открывается широкий вид на Волгу, на 350-метровый мост, перегородивший ее, на котлован.

Чашу котлована и Волгу разделяет мощная многометровая земляная перемычка. Несколькими месяцами назад земснаряды и землечерпалки начали ее возводить. И утру 24 октября в шпунтовой части перемычки был пропущен глубокий канал. Теперь лишь тонкая четырехметровая земляная стенка отделяла великие воды от котлована.

Тысячи гидростроителей собрались утром в понедельник на митинг, посвященный началу затопления котлована. Звучат горячие приветственные речи. Строители заверяют партию и правительство, что они с честью встретят 33-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

С самолета летит ракета — сигнал начать разборку земляной стенки.

Устремившись в котлован, волжская вода вышла на широкую русловую, прошла через донные затопления и затопила верхние этажи здания ГЭС.

Четыре номера «Иностранной литературы» встречены читателем с живейшим интересом. Это понятие. Создание журнала, широко знакомого с новыми явлениями в области зарубежной литературы и искусства, отвечает назревшей общественной потребности.

Большое значение придает новому журналу советские писатели. Яркое тому свидетельство — выступление на его страницах Михаила Шолохова, который сказал: «Я был бы рад, и думаю, что далеко не я один, если бы ваш журнал стал трибуной творческого обмена для всех, кому дорога живая дело современной литературы». Слова Михаила Шолохова: «У писателя всего мира должен быть свой круглый стол», вызвали горячую поддержку за рубежом.

И вот перед нами первые четыре номера «Иностранной литературы». Значительные произведения, опубликованные на страницах журнала, требуют обстоятельного разбора каждого из них в отдельности. Необходимо поговорить и о том, как журнал популяризирует литературное наследие, о критике и литературоведении за его страницами, о качестве переводов...

К этому мы еще вернемся.

Но первоочередную важность имеет, на наш взгляд, вопрос: какие существенные черты зарубежной действительности, какие характерные явления в зарубежной литературе отражены на страницах журнала? Не стремимся охватить все, напечатанное в четырех книгах, постараемся ответить на эти вопросы лишь на основе нескольких прозаических произведений.

Не только возрастом, опытом, мерой таланта и степенью известности различаются авторы журнала. Дело обстоит сложнее. На его страницах встретились писатели, чьи литературные и общественные дороги протекают не близко друг от друга. Здесь литераторы, связавшие свою жизнь и творчество с борьбой трудящегося человечества и литераторы, далекие от этой борьбы. Наконец, здесь представлены художники слова с весьма различными взглядами на литературное мастерство, на пути и способы художественного выражения...

Эта сложность, эта противоречивость отражает реальную сложность, реальную противоречивость современного литературного процесса за рубежом. И то, что журнал не хочет эту противоречивость сглаживать, эту сложность упрощать, следует поставить ему в заслугу.

Но при всех глубоких различиях возможно ли все-таки объединить столь разных писателей в одном журнале? Есть ли между их произведениями черты какой-либо общности?

Думается, что такая общность есть. И повесть Зегера «Человек и его имя», и роман Вайяна «Неретта Амабль», и роман Бонфанти «Сперанца», и повесть Хемингуэя «Старик и море», и рассказ Бонфанти «Во всем виноват Талестой» посвящены большой теме. Место человека в современном мире, судьба человека, смысл его жизни, итог его жизни — вот эта большая гуманистическая тема. По-разному решают эту тему писатели. Об этих различиях мы еще скажем. Но то, что каждого из них тревожит судьба человека, то, что каждый из них стремится ответить на вопрос о смысле человеческого существования, объединяет их.

Вспомним, сколько было в зарубежной литературе последних лет и последних десятилетий книг, где человек прижат к земле, где он втягивается в грязь: сколько книг, где все ценности объявляются обесцененными, где сам вопрос о смысле человеческого жизни хоронится под бесконечный сип и улюлюканье на шабаше декаданса.

Потому-то и можно объединить, потому-то и можно поставить рядом произведения столь различные, что, при всех различиях между ними, вместе они противопоставляют антагонистическую, враждебную человеку литературу.

В этом их сходство. И это немало. Стремление продолжить великие гуманистические традиции, поставив в центр своего творчества судьбу человека, а значит, и судьбу человечества, — вот что объединяет в наши дни настоящих художников слова.

По здесь заканчивается сходство между писателями, представляющими перед нами на страницах журнала «Иностранная литература», и начинаются их различия. Чтобы увидеть это, перейдем к самим произведениям. Рассказ Эркениа Колдуэлла «Джо Крэддок и его старуха» краток, как притча, и столь же многозначителен. История жизни Джулии Крэддок — американской крестьянки — спрессована Колдуэллом в полстраницы.

«Джулия Крэддок прожила тридцать пять лет и никогда не была хороша собой и жестокими. Тридцать пять лет прошло — молодость и зрелость, но ни красоты, ни женственности в ней не прибавилось. С каждым годом она все больше дурнела. После пятидесяти лет, проведенных у плиты и над корытом, тело ее стало сухое, мускулистое. Волосы были прямыми, жесткие, салыные. Лишь изборожденные уродливые морщины тяжелого труда, плоские груди отвисли. Мужчины никогда не влезли в Джулию ничего, кроме рабочей скотины. Даже Джо, ее муж. Для Джо она всегда была «старухой».

И вот она умерла.

То, что Джулия не было суждено при жизни — прорывается, статья чистой, красивой и нарядной, то произошло после смерти старшими похоронных дел мастера. Тогда впервые муж залезовался ей, а лег на нее ушами...

Страшный рассказ! Рассказ о жизни, такой однообразно беспросветной, такой огулающе тяжелой, что она вел вместились в полстраницы, рассказ о жизни, убивающей в человеке все человеческое — радость, надежду, смысл существования...

В этом рассказе нельзя не услышать и сочувствия к Джулии Крэддок и обличения условий ее существования, которые сделали такой ее жизнь.

Но стоит сравнить историю Джулии Крэддок с историей старой крестьянки Доменики Морп, по повести Минги, которая изображена в романе Бонфанти «Сперанца», чтобы понять: Колдуэлл не знает своей правды о жизни простого человека в условиях эксплуатации и нищеты. Газета Минги умрет, а той говорит: «Обмучивай! Вот что означала для Минги смерть! Кончилась жажда к мумам».

В чем же отличие? Муж Джулии Крэддок только при взгляде на нее, приукрашенную для похорон, напоминает, какой она была в молодости. Этот гротескно-жесткий вопль как бы говорит, что не

только жизнь бедняков бесчеловечна, но и что сами они в условиях этой жизни утрачивают все человеческое, перестают быть способными на душевное движение, на любовь, на внимание к близкому человеку.

Бонфанти показывает другое: трагедия простого человека в мире угнетения не в том, что он перестает быть человеком, а в том, что он в нечеловеческих условиях живет всеми силами человеческими чувствами, которые каждый день, каждый миг наталкиваются на невозможность достойного выражения.

Внушке Минги — Сперанце не нужно было, чтобы ее бабушку прихоранивал в гробу похоронных дел мастер, да и не было у нее на это денег. Но и без грима она видела настоящую красоту умершей, вспоминала ее мужественную жизнь, жизнь человека, оставшегося человеком, несмотря на нечеловеческие условия существования.

«Минга была жена старика Морп, покая в личном рабстве рядом с мужчинами, даже больше мужчин, пядь за пядью отсыревшая земью у болота. Минга была самая упрямая женщина в долине, сына и снопа рожавшая сыновей по мере того, как их уносила малярия, чтобы спасти хоть одного, чтобы оставить потомство, которое продолжало бы трудиться в долине. Минга была землей, принесенной на ламы, рекой, обузданной в своем течении, верой, одушевляющей людей».

И еще одно. Рассказы Колдуэлла почти лишены примет времени: судьба Джулии Крэддок может относиться к сегодняшнему дню и к началу нынешнего века. То же самое мы ощущаем, читая рассказ «В густой лесной». Это рассказ о той последней ступени лишения, которые толкают влозу трамвайщика Корн Миллер, спасая своих детей от голодной смерти, отдать десятилетнюю дочь в руки распутника. И здесь опять в подтексте волноно ил невольно та же мысль: нечеловеческие условия существования лишают человека всего человеческого, и такое же, как в рассказе о Джулии Крэддок, опущение конкретных примет времени. Оба рассказа болезненны. Восторжестве их стиля, которое многим современным американским писателям кажется единственной возможной формой изображения страшных сторон действительности, проходит где-то почти на грани безразличия к внутреннему миру человека, при всем негодовании по поводу того, что с ним случилось. И то, что они лишены примет времени, как бы говорит читателю: это случилось не вчера и не сегодня. Это могло случиться и вчера и сегодня. Такая жизнь. Нет в этих рассказах ни намека, ни полдела, которые призвали бы думать, что жизнь детей Джулии Крэддок и жизнь детей Корн Миллера сложится иначе, чем жизнь их матерей. Вина ли это или беда Колдуэлла, что его рассказы о судьбе человека замкнуты в туннеле безвозвратности? Да, он не знает ответа на беспощадные вопросы, которые каждый день ставят ему действительность. Но он не замалчивает этих вопросов, а это тоже требует от современного американского писателя немалого мужества.

И снова вернемся к «Сперанце». Газетный внучка Минги — Сперанца могла бы прожить такую точную жизнь, как ее бабушка, которая пригнала бы ее к земле и слезала смерть забвением. Та же безжалостно, где все последние ценности, связанные с жизнью среди глухих болот, те же преследования со стороны хозяев, которым по закону принадлежит земля. И все же Сперанца, которая входит в роман стройной и гибкой, как тростинка, стремительной, как птица (наперное), и бабка ее в молодости была такой же, взрослея, не прибавляет к земле, не растрачивает своей юной порывистости, силы чувств, интереса к людям, внутренне вырастает от страданий к страсти.

Роман Сильвии-Малжи Бонфанти — это не только повествование о нечеловеческих условиях жизни итальянских батраков, загнанных в болота, условиях, куда бросили страшно, чем те, в которых жила Джулия Крэддок, но и повествование о постоянной их мужественной борьбе, о человеческой солидарности, сплачивающей и подталкивающей людей в этой борьбе. И чем упорнее эта борьба, чем сильнее и решительнее она, тем больше раскрываются люди, тем больше раскрываются их человеческие качества, тем яснее и сильнее звучит в романе тема, выраженная в самом имени его героини. Ведь Сперанца — это значит надежда! И мы не можем не вспомнить того, как в произведениях итальянского искусства последних лет тема и снова звучит тема надежды, тема человеческой солидарности в борьбе за счастье.

Нам неслучайно услышать недавно, как выдающийся итальянский режиссер Де Санти рассказывал о замысле своего нового фильма «Юли и волюн». Он решил показать судьбу итальянских безработных, которые становятся зимой охотниками за волками. Они отравляются в горные леса, страдают от набегов волков, охотятся на них, а потом с убитыми волками лгут от деревни в деревню, от дома к дому, и каждый идет им в благодарности, что может: дикое вино, кусок хлеба, щепот соли... Де Санти хочет показать в этом фильме единство простого человека и простого человека, когда уже и не поймешь, кто же здесь на кого охотится и чем отличается жизнь человека, добывающего себе пропитание в заснеженных горах, от жизни зверя.

Не правда ли, какой, казалось бы, хемингуэвский замысел? Как часто в своих прежних вещах и в повести «Старик и море» показывал Хемингуэй человека на охоте, которая для него не спорт, а единственное средство к существованию.

— Как и все мои фильмы, — заключил Де Санти свой рассказ, — это будет фильм о человеческой солидарности. И здесь кончается сходство его замысла с Хемингуэем.

Несколько дней и недель неудач старик рыбачил зимой, нет, не просто рыбачил, — наблюдал гигантского рыба. Она прожорет его много месяцев. Но дело не только в этом. Он победил, он осилил в постылке, который — он знает это — является последним в его жизни поединком, итервом его жизни. Но ему не суждено воспользоваться плодами этой победы. Покуда он буксирует рыбу к берегу, ее обжуют акулы, и справиться с ними он не может, хотя

отчаянно и мужественно борется с ними много часов подряд.

В повести Хемингуэя есть два слова, два течения... На ее поверхности — предельно точный, реалистический по последней детали, палящий мастерством рассказ о случае, ход которого мы склято переискали.

Но под этим словом — глубокий, внутренний философский подтекст. Вероятно, можно по-разному истолковать этот подтекст. Но сильнее всего, как нам кажется, звучит в нем мотив, выраженный в неслышном изречении: «Если бы яность умела, если бы старость могла...». Старик знает все о море и знает, что только можно узнать о нем за долгую жизнь рыбака, он добился в деле своей жизни последней ступени совершенства. Но он стар и ошнок. И ему не дано вкусить плоды своего умения. Итог всей его жизни — обглоданный скелет рыбы, бесплодная победа, превратившаяся в поражение.

В повести Хемингуэя есть большое сочувствие, более того, уважение к простому человеку, к его тяжелому, полному опасностей труду; восхищение перед тем, как он умеет победить свои слабости и страхи, не слатся, не отступит... В ней есть предельно жестокое осуждение тех богатых бездельников, которые в конце повести с тупым любопытством разглядывают остов обглоданной рыбы: им не понять, что за это стоил трагедия целой жизни.

Хотя в повести Хемингуэя дуют все ветры моря, в ней нет ощущения ветра истории. Это могло быть вчера, и это могло быть сегодня. Такая жизнь простого человека в ее неизменности, как бы говорит Хемингуэй.

А самое острое, самое сильное чувство, которое охватывает нас, когда мы читаем роман Бонфанти, о котором уже говорили, или роман Роже Вайяна, — это движение истории. Мы не сравним здесь таланта писателей и их опыт. Мы сравним историю их взгляда на действительность. И дело не только в том, что у Бонфанти в несколько меньшей степени, у Вайяна в значительно большей присутствуют детали, которые «прививают» их повествование к определенным годам нашей современности. Дело прежде всего в том, что простой человек — главный герой этих произведений — показан в них не как вызывающий сочувствие и сострадание жертва окружающего мира, а как активное, волево, действенное начало, преобразующее мир.

Особенно осознанно проходит эта тема через роман Роже Вайяна, где красота и достоинство Пьеретты Амабль — молодого профсоюзного вожака на одной из французских фабрик — это красота и достоинство человека, который не только теоретически, но всем своим существом понял, что ему и его товарищам, что народу принадлежит будущее, приближаемое сегодняшней борьбой.

Отметим одно характерное столкновение этого романа. Филипп Летурно — молодой человек, который и по рождению и по положению принадлежит к интеллигентным слоям фабрики концерна ПТАО, подобно некоторым героям Хемингуэя двадцатых и тридцатых годов, находится во внутренней оппозиции к своей среде. Он мечется, ищет прибежища то в заумной поэзии, то в вине, то в попытках сближения с рабочими организациями.

С какой силой показал Вайяна внутреннюю пустоту, никчемность и, более того, вредность слегка бунтующих и декадентствующих блудных сынов буржуазии, столкнув Филиппа Летурно с миром рабочих — с миром Пьеретты Амабль и ее возлюбленного и мужа Бомаска!

Опущая силу и чистоту этих людей и их чувств и не имея возможности войти в них мир, влюбляясь в Пьеретту и понимая, что она навсегда чужие, Филипп день за днем отравляет душу Бомаска — человека сильного и доверчивого — клятвой на Пьеретту.

Допустив в свою душу черные чувства, которые исходят от Филиппа, поверив ему, Бомаск гибнет. Победив в столкновении рабочих с полицией, он подставляет себя под пулю. Филипп — этот современный Смерть — трусливый и мелкий, впадает. Смерть его жалка и гадка.

Образ Филиппа Летурно как бы говорит: атмосфера, которую источают декадентствующие сынки господ, играющие в оппозицию к своим отцам, выявляет этих молодых людей, их универсальный инстинкт — безбоязненно. Они способны отравить, заразить даже такого сильного и цельного человека, как Бомаск. И в этой боковой ветви Вайяна идет в своем разоблачении гораздо дальше, чем когда-либо заходил в разоблачении духовных братьев Филиппа Хемингуэя.

Но не это главное в романе Вайяна.

Пьеретта Амабль показана в этой книге во всем богатстве и сложности ее человеческой природы: в радужных, в сомнительных, в любви, в дружбе. Мы видим ее и тогда, когда ей и ее друзьям — таким же рыцарским людям, как она, — приходится принимать сложные политические решения, и тогда, когда им приходится осуществлять их. Мы видим ее, когда она — человек широкого и гибкого ума — сталкивается с точкой зрения узкой и схематической, и не сразу добывает победы над ней. Мы видим историю ее таких летних и сильных вначале, а потом не менее сильных, но омраченных отношений с Бомаском. Но ни где она — ратовой человек, простой человек — не предстает, как маленький человек. Пьеретта Амабль и ее друзья — французские рабочие — изображены объективно, не как пасивный объект событий и истории, они — субъект исторического процесса. И не только личные качества придают Пьеретте ту силу, которую ощущают все ее окружающие. Сила Пьеретты Амабль — это осознанная принадлежность к народу.

Судьба человека, место человека в жизни — вот что волнует лучших писателей за рубежом. Но все из них нашли ответы на эти вопросы. Но в прогрессивном зарубежном искусстве мира с каждым годом все сильнее и увереннее звучит ответ: судьба человека решается не в одиночку. Она решается в судьбе народа. Место человека в жизни — в борьбе за человечество! И к этому отводу, надо думать, не могут не прислушаться те художники слова, которые покуда, задавая тревожащие вопросы о смысле человеческой жизни, думают, что их можно решить, не выходя за рамки одинокой судьбы, не связывая историю человека с историей его эпохи.

Сергей ЛЬВОВ

Стучай, который я думаю описать, столь будничен и удручающ, что я не знаю, где мне взять пафос, столь необходимый в нашем литературном деле. К тому же случай этот не идет по ведомству литературы, так как вещи подобного рода начисто отвергаются как старыми, так и молодыми писателями в силу удручающей будничности. Скажем прямо и конкретнее: приятно ли писать о каких-то хулиганах, громыхая, бандах, радостно ли вообще погружаться на литературные персты в жизни брата? Конечно, неприятно. А тут еще часто оказывается, что литератор при самых высоких гражданских намерениях оказывается бессильным сделать что-нибудь полезное своими даже очень гневными писаниями.

И несмотря на то, что все эти мысли мне приходят в голову, я все-таки сажусь писать о деле, названном в заголовке фельетона, ибо честно уверен, что выражу мнение множества людей, которые на жизнь смотрят трезво, реально и, что крайне важно в данном случае, без формальщины.

Однажды в полночь в подмосковной местности Салтыковке на дачу инженера С. стали ломиться пьяные — случай отнюдь не единственный в Салтыковке. Ворвались на участок дачи, они искали не гостеприимства, не защиты у людей в незнакомом доме, а чего-то другого. Приблизил, что гражданин К. не пригласил к себе и не забывал неизвестных ему лиц. Наоборот, он был неприятно извлечен и встретился столь неприятными гостями, хотел было узнать, чего они хотят, но непрощенные гости молчали.

Когда дело зашло о нападении, опять-таки не единственным в Салтыковке, обитатель дачи пригрозил своим непрощенным гостям собакой. И тут их намерения прояснились. Пошла брань, угрозы: «куже будет», «удушим тебя и собаку».

Молодой инженер К. живет один на участке со своей семьей, без соседей, и ему, естественно, надо было подумать о самообороне. Он взял охотничье ружье и вышел за порог. В доме остались жена, маленький сын и старушка-домработница.

Опыт последовали безуспешные в таких случаях вопросы: «что нужно?», просьбы уйти и пр. И так как это всегда бывает безуспешным, пока подобного сорта гости не испугаются чего-то более реального, то гражданин К. пригрозил выстрелом.

И это не помогло. Тогда он выстрелил. Это помогло.

Выстрелил он одним патроном, которым вторых зарядил ружье, с мелкой дробью, но мог в likelihood стрелять и крупной, мог убить... И вот раз с этого пункта и начинается вторая глава этой истории, столь же будничная и удручающая, как и первая.

На следующий день в местной милиции началось делопроизводство о покушении гражданина К. на жизнь некоего Пестрякова, который оказался ранен несколькими дробинками около дачи гражданина К.

Страшная, неспасительная для нормального ума вещь! В твой дом ломались. Тебе угрожали, тебе кричали: «садушим». Ты оборонился. Этого милиция не отрицает. Более того, она может признать, что ты должен был обороняться, и взять ружье, и стрелять. Но если ты после этого вышел непредвидимым, а лица, нападшие на тебя, хоть бы парашютом оказались повреждены, то не они, а ты будешь привлечен к ответственности в уголовном порядке... а там уж будет видно, как присудит суд.

В данном происшествии так именно и пошло следствие, которое не обнаружало ни у гражданина К., ни у его жены, ни у его ребенка никаких «знаков насилия».

«Позвольте! — скажем мы и скажем вместе с нами любой читатель. — Но ведь для того и оборонился гражданин К., чтобы не было знаков насилия. Значит, надо прежде дать себя побить, порезать, а для явней убедительности впускать бандитов в дом и разрешить им, к удовольствию следствия, нанести все очередные «знаки насилия», — а потом уж защищаться?»

Мы можем много сказать по этому поводу с недоумением и негодованием, но все наши тирады окажутся пустым словословением, потому что следствие будет вестись в каждом подобном случае по шаблону имеющихся узаконений и будет считаться с буквой, а не с живым существом дела.

Иснее, как день, и простое существо дела для гражданина К. обернулось плохо и печально. Следствие, выматывающий душу ему и его семье в течение трех месяцев, не только не нашел никаких признаков бандитизма, но даже хулиганства не увидел в нападении на дачу гражданина К.

Лица, ломившиеся на дачу гражданина К. в полночь, были пьяными, чего они и не отрицают, а пьяным, по глубокому убеждению следователя Вахрушина, самой природой положено ломиться, бунтовать... Следствие Вахрушин ставил вопрос о равнодушии к человеку, которого надо оберегать и любить, хотя бы он был и пьян, хулиган и ломился в чужой дом. В своем подобрастании к пьяным, с которых не должно брать примера, он зашел уже так далеко, что грозил взять под стражу гражданина К., но, видя, что гражданин К. дошел до чудовищной неадекватности, ограничился подпиской о невмешательстве...

А далее был суд, который проходил скучно и равнодушно, где никого не интересовало, за что судится честный, ни в чем не повинный человек, где прокурор Балашихинского района Дементьев требовал... десятилетнего тюремного заключения для гражданина К. за преднамеренное нанесение тяжких увечий гражданину Пестрякову, который присутствовал на суде в качестве пострадавшего.

Я говорю о скуче и равнодушии на суде по той простой и очевидной причине, что и прокурор и судья Зверева знали, что это надо записать для формы, что в тюрьму не брать лет оштрафованного, послушного не отпирать, что им необходимо зашампанить прокурора... И они его зашампановали. Гражданин К. был приговорен к двум годам лишения свободы условно за «превышение предела необходимой обороны».

Вот видите... Значит, была оборона и была она необходима, а раз была необходима, то, значит, было от чего обороняться... Словом, было все, как здесь рассказано. Но осужденным оказался не тот, кто напал, а кто оборонился.

Могло быть и иначе. Судьи могли бы приговорить и наказать хулиганов в логическом согласии с живым существом дела. Но это для них муторное дело. Тут надо проявить уже полновесное внимание к человеку, а для этого — творчески и смело пойдти к сути дела. Гораздо спокойнее закончить дело по штампам существующей практики... Так его и закончили, так его и подтвердил областной суд.

«И молодой инженер, пишет нам гражданин К., год назад окончив институт, комсомолец с 1946 года, не совершил ни одного проступка. И вот, защищаясь, стал преступником... После всего происшедшего со мной у меня осталось чувство опустошенности и обиды...»

Он прав в своей обиде. Можно представить себе моральную травму молодого человека, которому угрожают арестом и у которого берут подписку о невмешательстве только ради того, чтобы ход следствия «соответствовал» существующим пунктам уголовного кодекса. Но этот молодой человек и не думает уже жаловаться... Он описал нам свой случай в связи со статьей, появившейся в «Литературной газете» 13 сентября «О тех, кто проходит мимо», в которой осуждался люди, не желающие вступиться в историю, когда на их глазах происходит хулиганство и бандитизм.

Странность существующей судебной практики, основанной на уголовном кодексе, такова, что вы не только действительно можете «вспутаться в историю», защищая сторонников вам лиц от хулиганов и бандитов, но, защищая себя, свою семью, свой дом, — вы потенциально становитесь преступником, покушающимся на жизнь... хулиганов и бандитов. Если бы не несколько дробинки, а серьезное ранение, то молодой человек попал бы в тюрьму, и на срок немалый при заметной ретивости следователя и прокурора. Вот к чему сводится главная мысль его письма.

Но мне хочется продолжить эту мысль. Необходимый предел обороны... Положим. Но тогда давайте говорить о необходимом пределе нападения. Если скажем, нападатель хулиган на тебя с финкой, то ты юридически имеешь право схватить его за руку, а если он лезет драться без оной, то ты уже не имеешь морального и формального права дотрагиваться до него, потому что на руке у него, чего доброго, останется синяк, и ты превзойдешь необходимый предел обороны.

Нет, конечно, нельзя сколько-нибудь долго и серьезно продолжать эту мысль. Тут в наших уголовных статьях что-то явно устарело...

Но почему же судья, прокурор, адвокат, которые лицом к лицу сталкиваются с жизнью и знают, что это устарело, не имеют никаких оправданий, почему они не выносят этого вопроса на широкое обсуждение, не сигнализируют своим высшим инстанциям? Можно думать, что судья Зверева из Балашихинского района с холодным равнодушием припечатает еще не один приговор, порочащий и оскорбляющий честного советского человека, и не подумает о том, что же она причетала.

Николай ПОГОДИН

По следам неопубликованных писем

Врач Р. Мусин, депутат Альметьевского городского Совета Татарской АССР, написал в редакцию о том, что в столице Татарии Казани нет памятника Габдулле Тукаю, основоположнику татарской поэзии, и Мусе Джалилю, советскому поэту-патриоту, погибшему в фашистском лагере Мобит. Министерство культуры Татарской АССР, куда было направлено письмо тов. Мусина, сообщило редакцию, что в Казани в 1956 году Габдулле Тукаю будет установлен монументальный памятник работы скульптора Сегала.

Кроме того, будут сооружены памятники поэту в селе Кайлаш Атнинского района, где он родился, и в селе Тукай-Кыргай Кызы-Юлского района, где он провел свои летские годы.

Группа местных скульпторов работает над проектом памятника поэту Мусе Джалилю. Памятник предполагается установить в Центральной парке культуры и отдыха в г. Казани.

Иван Михайлович Оралов был отчислен из ВЗПИ — Всесоюзного заочного политехнического института — за то, что не выполнил в срок ряд заданий, не вносил платы за обучение. Это было в 1953 году. Когда он начал хлопотать о своем восстановлении, ему в этом было отказано.

По форме все было правильно: систематически отстал в учебе, не вносил платы за обучение. Но за формой стоял живой человек, а кроме правды, бывающей иногда исключением.

Об этом написал в редакцию «Литературной газеты» доцент Ивановского энергетического института А. Розенкранд. Да, Оралов отстал в учебе, писал он, но не потому, что это бесталанный или ленивый человек. Он в тот период работал на 14-й дистанции

связи Северной дороги, руководителем которой предельно загружал его работой, отказываясь предоставлять ему положенные значительные льготы. А с 1954 года положение изменилось. Оралов перешел на работу в Ивановский энергетический институт. Человек, знающий технику, он заведует лабораторией высоких напряжений.

С х е м а и ж и з н ь

И. ВИШНЕВСКАЯ

думается, что не нужно изображать наших колхозников и решетниковских подлинниками, у которых вряд ли было больше бедствий, чем те, что сосредоточила в своей пьесе А. Бродяга.

Мы не сомневаемся в том, что даровитая латвийская писательница А. Бродяга знает жизнь и жизнь колхозной деревни в частности. А в то же время в пьесе ее на смену пишущему председателю приходит пишущий, и картина меняется, как по мановению волшебного жезла. Люди оживили, урожай поднялся, все вдруг стало хорошо. Что это — незнание жизни? Нет, это заранее подготовленная схема и отсутствие большого обобщения новых процессов.

Партия и правительство, прямо и смело вскрывающие недостатки на всех участках нашего коммунистического строительства, учат нас не скрывать правду, но и верным голосом говорить об ошибках и самоотверженным трудом исправлять эти ошибки. Драматург, пишущий сейчас о колхозной деревне, не может не сказать о тех трудностях, которые еще имеются у нас на селе — это и недостаточное освоение техники, и текучесть рабочей силы, и слабая материальная заинтересованность, и уход молодежи из деревни, и многое другое. Но сказать о них, этих трудностях, значит раскрыть сущность явлений, а не просто нагромоздить одно на другое. К сожалению, в некоторых последних пьесах, посвященных колхозной деревне, применяется именно такой прием: перечисление трудностей, а не проникновение в причины, их породившие. И что самое поразительное, так это то, что, сказав поначалу обо всех недостатках и трудностях, драматург в дальнейшем и не вспоминает о них — действие идет так же легко и приятно, как и в прежних бесконфликтных, лакированных пьесах. Снова поют песни, снова ирригуют, снова где-то за сценой разделяются с несправедливостью.

Вот, например, как уживается нагромождение трудностей с поверхностным и легкомысленным устранением их в той же пьесе Бродяга «Далеко идет счастье». В колхозе страшные бедствия, а вот что по этому поводу говорит один из героев: «...ничего такого особенного не надо было... мы, несколько человек, всех встрянули... Потом сами удивлялись — со всем справились». В самом деле, удивительно. Неоднократно уже писалось и говорилось о том, что невозможно раскрытие общественной судьбы человека без проникновения в его личную жизнь, в его взаимоотношения в семье, в его быт. Но дело не только в том, чтобы она была показана, но и в том, как это выполнено художником. А выполняется это зачастую механически. Личное неотделимо от общественного. Усвоив это, некоторые драматурги решают: ну и не надо, значит, его отделить в самом буквальном смысле этого слова, — и, придя на свидание, любящие друг друга люди обсуждают производственные вопросы.

Это не значит, что так происходит во многих пьесах. Интересную, сложную судьбу сильного человека рисовал в своей новой пьесе о колхозной жизни, которую нам случилось прочитать, К. Губаревич. Был его герой партизаном, и рядом с ним воевала умная, смелая, красивая женщина. Крепко их чувство друг к другу. А в эвакуации ждала семья. Кончилась война, вернулись семья, и Лягуга вернулась домой. А сегодня она, председатель колхоза, встречается с той, о которой помнил всю жизнь. Но слабая партизанка не среди лучших колхозниц. Она давно уже не выходит из поля, ей ближе торговля. С председателем приезжают жена и дочь, которым сразу же

рассказывают о давней дружбе Лягуги и Ганны. Завязывается сложный драматический узел, где действительно переплетены личное и общественное. Хотелось бы, чтобы Губаревич, который сейчас работает над пьесой, подал бы самим работникам разрешить конфликт, а не вводил бы фигуру традиционного секретаря райкома, одним словом распухавшего все драматические коллизии.

Сейчас начинают появляться первые пьесы о тружениках целинных земель. Не стоит упрекать пионеров этой боевой темы в несовершенствах первых опытов, но уже сейчас можно сказать о хороших и дурных тенденциях, наметившихся в пьесах, посвященных людям целины.

Вот перед нами две пьесы — И. Анова и Я. Штейна «По велению сердца» и В. Пистоленко «Они в степи». Очень хорошо, что у этих пьес одинаковые достоинства, хуже, что у них одинаковы и недостатки, и еще хуже, что у них почти одинаковый сюжет. И, пожалуй, — это самое главное. Прелесть на целину жена и уехала. Приветствовал героя труда, впахивающего на своем тракторе большие всходы, а герой обманул, встал на целину позвонив, чтобы воплотить дела коммуниста, а оказался он бездарным халтурником, да еще и подонком. Рассказывали мы как будто одну пьесу, а рассказали две сразу — и пьесу Пистоленко и пьесу Анова и Штейна. И дело не в том, что жена Анова и Штейна никогда больше не вернется в ряды честной советской молодежи, а жена Сугробова из пьесы Пистоленко, возможно, еще одумается и станет человеком; дело не в том, что мелко вспыхнул в пьесе Анова и Штейна бывший безпринципник Ренат и смолчала об этом его притчица Оля, а в пьесе Пистоленко все это сделал непонятный халтурник Мурый и смолчала об этом притчица Зина; дело, наконец, и не в том, что в одной пьесе поэта зовут Сербрушкин, а в другой — Лалкин. Дело в том, что в первых же пьесах уже появились злые тоны, трафаретные позы, неумение широко и многообразно увидеть новое явление. И ведь сам Пистоленко нашел же интереснейший, своеобразный характер цыганки Саши, покидающей кочевую жизнь для работы и жизни на целине. Значит, есть у драматурга свое, оригинальное видение жизни.

Над пьесой Пистоленко работает сейчас театр им. Станиславского. Мы уже видели, как каким хорошим результатом приводит горячая заинтересованность театра в судьбе драматурга на примере предыдущего спектакля Пистоленко на этой же сцене — «Любовь Ани Березко». Вероятно, и на этот раз дружная совместная работа поможет пьесе стать более самообитной и глубокой.

Советский зритель помнит страстную, горячую пьесу Ю. Яновского «Юрость» о строительстве первых колхозов, знает он и отличную пьесу И. Погодина «После бала», рассказывающую о формировании социалистического сознания тружеников села, знает много других хороших, увлекательных произведений о колхозном крестьянстве. Не так давно наш зритель познакомился с комедией Маяковского «Камни в пещере», Деятова «В Лебяжье», с «Крыльями» Корнейчука, с «Сердце не прощает» Софронова. Об этих пьесах, об их достоинствах и недостатках уже много писалось. Мы вспоминаем о них для того, чтобы сказать, что тема колхозной деревни всегда волновала наших писателей, что в решении ее они искали и прокладывали новые пути.

Драматурги, пишущие о колхозном крестьянстве, призваны не только констатировать трудности и даже не только вскрывать их причины. Они должны стать активными помощниками партии в борьбе за преодоление этих трудностей.

Романтическая устремленность

Л. ЯКИМЕНКО

Этим летом мне довелось быть на читательской конференции в одном из районных городов Кубани. Хорошо запомнился мне один из выступавших — пожилой грузинский человек. Он не только дотошно знал все, что написано в последние годы о колхозной деревне, но со злой горячностью говорил, что «Прохоры, «короли жестициков», есть и в нашем районе, не переведешь и Борзовы разных категорий и масштатов». Он возмущался и негодовал, что такие люди все еще существуют. Ход его рассуждений был примерно таков: как же так, все эти Прохоры, Борзовы наказаны Троицким, Овчинником, а до сих пор их не искоренили из действительности?

В этом, пусть простом, но искреннем неговении мы открыли великую веру в преобразующую силу литературы, веру в правду ее и воинственную, мужественную честность.

Когда сравниваешь все значительное, важное, что происходит сейчас в колхозах, МТС, с тем, что об этом рассказывается в книгах, приходишь к выводу, что писатели заметно приблизились к изображению действительных потребностей, настроений, чувств людей колхозного села.

И очерковая книга М. Жестева «Под одной крышей», и повесть Г. Балканова «В Спиряках», и некоторые другие произведения сильны прежде всего достоверностью, знанием обстоятельств жизни, пониманием реальных трудностей, страстной заинтересованностью в решительном походе и улучшении жизни колхозного села.

К этим опубликованным в последнее время книгам русских писателей примыкает и повесть украинского писателя Василия Земляка «Рядна сторона» (журнал «Литпро», 1955, №№ 2, 3, 4).

Повесть «Рядна сторона» привлекает неподдельной поэтичностью, стремлением к широкому охвату явлений действительности. Тут и романтическая история любви Евгения Бурчака к Зое Мизинец и выдержанный в подчеркнуто бытовых юмористических тонах описание падения Талымона Товкача — некогда известного и уважаемого председателя колхоза. Возвышенное и поэтическое соседствует в повести с грубыми «земными» бытовыми.

В лирических раздумьях звучит чистый и возлюбленный голос автора. Люди украинского Полесья, о жизни которых рассказывает повесть, суровый край, где в пахучих лесах скрываются тонкие, поросшие ольхой и камышом болота, — все это близко дорого автору. Волнение повествователя, его заинтересованность в победе смелых и дерзких людей, начавших наступление на болота, придает произведению романтическую устремленность.

Эта романтичность не только в особой стилизованной окраске, не только в самом тоне повествования, — она в обстоятельствах сегодняшней жизни колхозников Полесья, в их чаяниях, надеждах, борьбе и свершениях.

Уже начало повести, где автор рассказывает о том, как весной школьники и взрослые села Замысловичи вынуждены на волу птиц, спасенных от гибели в лютые зимние морозы, представляет как бы лирический завет, вводит нас в мир добрых и ясных чувств. В этом мире трудно приходится людям косным, лютым и честолюбивыми взглядами и стремлениями.

Размежевание героев в повести идет по самому существенному признаку: Евгению Бурчаку, секретарю райкома Мурову, делу Овсему, Навлу Пороше, Зое Мизинец — людям творческого дерзания противопоставляет Талымон Товкач, Максим Шайба, спекулянтка тетя Фрося, поведение которых определяется чисто эгоистическими соображениями выгоды, сохранения престижа и т. д.

В Тендрок в повести «Не во дворе» верно перелал вразумительную всему строю нашей жизни собственническую сущность

Ряшких. Художник помог нам разглядеть десятки подобных им в нашей жизни.

Вас. Земляк создает иной тип, но в основе он все-таки близок Ряшких, хотя, если бы вы назвали председателя колхоза Талымона Товкача Ряшкихим, он, по меньшей мере, возмущился бы и обиделся.

Много лет возглавлял хитроватый, внешне добродушный Талымон Товкач колхоз. Все шло, как положено: и начальство было не в обиде, и люди, вроде, были довольны. Почему же он так обеспокоился перед объединением колхоза, замателся, репался всеми силами за ускользающий пост председателя? Что отпало от него колхозники? Товкач был не государственным человеком, не хозяином, а хозяйником. И дело не только в том, что он не раз заускал руку в колхозную кладовую. Главное — в его бескрылых методах ведения хозяйства. Товкач никогда не думал о завтрашнем дне, о всестороннем походе и развитии хозяйства, о повышении уровня жизни колхозников. Он довольствовался тем, что было привычно, что устоялось. Выполнил кое-как «супущенный» сверху план, удовлетворил районное начальство, — и ладно. И когда Евген Бурчак, молодой агроном, председатель соседнего колхоза, предложил план осушения болот — дело трудное и новое, Товкач вступил с Бурчаком в борьбу.

В конце с Товкачем — Максим Шайба, старший агроном МТС. В характере Шайбы много становится понятным уже по одной, только найденной писателем подробности: по вечерам в колхозном жилье встречала Максима Миновича прирученная ворона с перытым крылом. И карканье проголодавшейся птицы, запертой и голодком комматки, в которой жил Максим Минович Шайба, вдруг сразу освещает характер — не только саркастичный и раздражительный, нет, характер человека с неудавшейся жизнью. Шайба жил в стороне от людей, он выжидал, стараясь не прогадать, выжидал и приспосабливался, а жизнь шла мимо, его опережали смелые, дерзающие люди. И Максим Минович, все более и более озлобляясь, пошел против нового. В таком решении образа чувствуется наблюдательный глаз автора, умение схватить и выразить характерное, существенное в человеке.

Зоя Мизинец — «дівоча дівчина» — вместе с делом Овсеем пасет в лесу колхозный скот. Что-то загадочное есть в этой лесной пастушке, в ее красоте, в задушливой грусти. В таком освещении ее характера была опасность надуманной романтизации. Писатель счастливо избежал этого, рассказав о прошлом Зои, о страшном детском горе ее: фашисты сожгли родное село, убили мать, и она одна, беззащитная девочка, бежала зимой, ночью через леса и болота к делу в соседнее село. По дороге Зою Мизинец подобрал партизанский взвод. Так становится понятной и ее диалектность, и любовь к лесу, приютившему ее.

Повесть Вас. Земляка полна радостного чувства, открытая верой в торжество творческих, дерзающих людей.

Но эти люди, такие, как Евген Бурчак и секретарь райкома Муров, лишены каких-либо недостатков писателя в обрисовке характеров. Заставляя Бурчака действовать в весьма сложных жизненных обстоятельствах, автор в то же время далеко не всегда показывает его человеком из плоти и крови. Часто Бурчак превращается в какую-то неопределенную фигуру — схему.

Автор хочет убедить нас, что председатель колхоза Бурчак — смелый, творческий человек. Бурчак предлагает начать осушку болот, находит старые планы организационной системы, охватывающей не-

сколько районов Полесья, возглавляет объединенный колхоз. Но все это далеко не всегда показано с необходимой жизненной достоверностью. Автор представил нам человека, оппал его по ступице, но не приблизил к нам, потому что не всегда сумел раскрыть сердце, мысли, характер героя.

Секретарь райкома Муров показан, в сущности, лишь как безликая сила, поддерживающая Бурчака авторитетом своей власти, пробивающая ему дорогу.

Удался автор и ряд фигур «второго плана». Лишь в нескольких эпизодах появляются Павел Пороша, Яша Кузнецов, бригадир тракторной бригады Карпо Шап, но в них есть то применное, яркое запоминающееся, что позволяет ощутить творческие порывы колхозной молодежи, ее неустанную честную силу.

Слабость главных положительных персонажей — Бурчака и Мурова подчеркивается и другим, не менее важным недостатком произведения Вас. Земляка. Наметьте важные жизненные конфликты, интересные очертив некоторые характеры, писатель не дает своим героям возможности вступить в прямую борьбу. На помощь героям и автору призывает профессор Жилкин и сразу показывает всем, что Талымон Товкач, беспринципный председатель колхоза, никакая не родной хозяин. Не пошла вода из болота по прорытым канавам, — Бурчак в архиве находит старую схему осушения системы, и все кончается как нельзя лучше.

По временам лиризм автора превращается в благодушие. Товкачи, Шайбы в жизни умнее, злее, вреднее. А в повести «Рядна сторона» добродушный юмор автора не дает возможности увидеть истинную сущность таких людей, как Товкач, Шайба, спекулянтка тетя Фрося.

Вас. Земляк, бесспорно, способный писатель. Но многое ему еще придется преодолеть упорным трудом. Много ему не хватает художественного вкуса. Нет-нет да и потянет его на красоты в духе дурной литературы.

Вот, к примеру, как описываются переживания Бурчака, узнавшего, что любовь им Зоя выходит замуж: «Хотелось музыки. Тихой нежной музыки, которая отозвалась бы в душе тысячь голосов, которая захватывала бы всего в свои объятия и поносила бы в другой мир, чтобы вырваться как-нибудь из-под гнета тоски...»

Встречаются в повести трафаретные, невыразительные образы: «Строгие глаза под длинными черными ресницами напоминали перезревшую вишню, из которой вот-вот брызнет сок». Дает ли такой портрет какое-нибудь представление о девушке? Это шаблон, без попытки выразить запоминающееся лицо, со своим особым выражением.

Досадно, что это соседствует с превосходными картинами природы, бытовыми сценами, выписанными с подлинным вкусом и тактом.

Чехов говорил о важности для писателя выработать свой стиль, свой «слот»: «Если у автора нет «слога», он никогда не будет писателем. Если же есть слог, свой язык, он как писатель не безнаден». Тогда можно рассуждать о других сторонах его писаний».

У Вас. Земляка — свой голос, задушевные, поэтичные, своя авторская интонация; повесть его ценна многими правдами и свежими наблюдениями. Тем внимательней надо следить молодому одаренному писателю за тем, чтобы задушевно не переходила в ужимки, поэтичность — в условную красоту. И надо, очень надо Вас. Земляку постараться, чтобы в его будущих произведениях герои всегда и во всем были живыми людьми, чтобы сложность и трудности колхозной жизни преодолевались героями в открытых столкновениях, а не с помощью случайных находок.

Деревенские заметки

Ефим ДОРОШ

Четверть века с лишним назад, в ответном слове краеведом, избраным его членом своей организацией, Алексей Максимович Горький сказал: «Я всегда думаю, что основной моей работой, работой всей моей жизни, было не краеведение, а человековедение». Этим самым великий писатель как бы определял сущность работы литератора. Но и краеведы, надо полагать, едва ли ошиблись, посчитав писателя своим соратником, — человек не существует вне дела своего, а дело его на земле сопряжено с изучением ее и передачей. Во всяком случае, если говорить о тех наших современниках, которых принято называть районными работниками, то узнать их легче всего через главную их заботу — о своем районе. И это, мне кажется, не противоречит горьковскому определению литературы, потому что интересует нас по преимуществу не столько край, где живут будущие герои литературных произведений, сколько отношение этих будущих литературных героев к своему краю.

В записных книжках и в памяти существуют накопленные мною за несколько лет разрозненные материалы о Ростове Ярославском и окрестном районе: исторические сведения, пейзажные наброски, экономические данные, отдельные выражения и характерные обороты речи.

С течением времени все это складывается в картины, еще печнее не связанные между собой и неизвестно для чего предназначенные.

К примеру, вкус воды в деревенском колоде вызывает в сознании зрелище весенней земли вокруг озера Неро, с бесчисленными ручьями и речушками, с поросшими вереском урочищами, с кочковатыми болотами и намоенными влагой полями. — только ранней весной, в так называемое водоуполное, когда озеро «подпирает» все эти реки и земля веревкой словно не отделилась еще от водной глыбы, колодезник вода обладает вкусом железа, талого снега, мха и корневой трав.

Или досадный жест, с каким кто-нибудь из руководителей района берет телефонную трубку после длинного требовательного звонка, — из области звонят! Этот жест и несколько принужденно уступки в докладе начальству: «Семь всеми средствами, даже «СРГ-5» в ход пустишь!», — то есть и врубную семя, пять

пальцами, — все это мгновенно соединяется в памяти с мекрой паншей, куда не влезет трактор.

Но эти и подобные им наблюдения и сведения, которых за несколько лет набралось множество, существуют отдельно, разрозненно, покамест не свяжет их в тугой узел какая-нибудь большая проблема, чаще всего хозяйственная, потому что и личная и общественная жизнь земских людей, от рядовых колхозников и до руководителей района, определяется по преимуществу одним — урожаем. Вот тут-то, чтобы понять человека, и обращаешься к земле, на которой он живет.

Мне уже приходится писать о котловине озера Неро, о том, что многие тысячи гектаров избыточно увлажненных или заболоченных земель, мягко поднимающихся от озера к дальним водоразделам, нуждаются в незамедлительном осушении. Собственно, с этого чисто газетного задания и началось мое знакомство с дневной жизнью земель.

Истинно рати следует сказать, что теперь уже составлено проектное задание, осуществление которого преобразует топкие болота и избылке по весне пашни в культурные сельскохозяйственные угодья.

Если вообразить, что все эти осушительные каналы и водоприемники сошли с бумаги на местность, если представить себе, как вбирают они из почвы излишнюю влагу, то там, где ныннешней весной стояла вода, можно бы увидеть возделанные к сроку поля с зелеными строчками взонелных посевов. Увы, столь оптимистическое зрелище пока что остается в пределах желаемого, и нельзя сказать, в каком примерно году оно станет действительностью. Проектное задание не только составлено, но и утверждено, однако для того, чтобы первый экскаватор опустился в грунт свой зубастый ковш, надо еще составить проект строительства первой очереди. С этим последним никто не поспешает: ни оба министерства федерации — сельского хозяйства и водного хозяйства, в известной степени отвечающие за освоение земельных и вовлечение их в обработку, ни Ярославский областной отдел водного хозяйства, от которого всего более удивительно. Кому, каза-

лось бы, как не областным организациям Ярославля, выпал бы страстный заботу о том, чтобы в одном из районов области прекратились почти ежегодные весенние и осенние наводки, которые не дают ни посеять в срок, ни убрать урожай.

Знакомство с такой вот проблемой, относящейся больше к тому, что и назвала бы краеведением, может послужить и делу человековедения. Как бы инными глазами смотрит на простернувшуюся вокруг землю и на человека — на того, кто неуспевающе требует выполнения сроков выполнения, хотя в полях еще стоит вода, но почти ничего не делает, чтобы убрать воду, — и на того, кто не располагает необходимыми средствами для борьбы с водой, однако, в силу принадлежности своей к районным работникам, отвечает за эти сроки.

Вспоминаются старинные ростовские документы с их удивительно-точными оборотами: «панет туличинко... огуричико», — они свидетельствуют о древности земного овецоведения. Вспоминается и то обстоятельство, что некоторые местные крестьяне вели розовые записи, восходящие к «людникам» ростовского князя Бориса, а это последнее название здесь грамотности в старие времена, вызванном, вероятно, товарностью земледелия и связанной с этим торговлей.

Мне кажется, что именно подобного рода сведения позволяли Тургеневу написать следующие вступительные строчки к «Хору и Калининце»:

«Кому случалось из Болховского уезда перебраться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невеликого роста, сутуловат, угрюм, глядит неодобрительно в дальних основных избушках, ходит на барицу; торгует не занимается; ест лошадь, носит лапти; калужский орловский мужик обитает в просторных основных избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел; торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах, Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно разбита среди распаханых полей, близ оврага, вся-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих раков, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, дерева на версту ку-

гом не увидишь; изба лепится к избе; крыши закрывают глиной солодой... Калужские деревни, напротив, большей частью окружены лесом; избы стоят высокие и примей, крыты тесом; ворота плотно заперты, пашени на задворке не разметаны и не вывалены наружу, не завет в гости некую проходу свиному... И для «отника» в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и полянда исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засекаются на сотни, болота на десятки верст, и не переселась еще благородная птица тетерева, водится добродушный дунел, и хвостушка курчатка своим ярким цветом взлетом веселит и пугает стрелка и собаку».

Точность, с какой написано это ретуление, сродни точности научного исследования. И дело здесь не в одной лишь наблюдательности большого художника, синтаксиса с натуры то, что он видел. Дело еще и в том, что художник не хуже ученого знал экономические и географические особенности тех мест, где жили изображаемые им люди.

Писатель как бы между прочим говорит об орловском и калужском мужике, что первый — ходит на барицу, а второй — оброчный. Но это различие в экономическом положении орловских и калужских крестьян той далекой от нас поры и есть, собственно, главная причина столь разительного не сходства в их облике, поведении, даже характере.

Барица была куда более тяжелой, пригнетавшей человека формой эксплуатации, нежели оброк — натуральный или денежный сбор, взаимный помощник. — при котором, хотя и он был тяжел, крестьянин все же мог увеличивать товарность хозяйства, заниматься промыслами.

Различие в складе характера орловского и калужского мужика объясняют еще и те строчки из приведенного отрывка, которые, может показаться, рдеуют лишь нехотелось орловского и калужского пейзажа: распаханые поля, овраги, последние леса, которые исчезнут лет через пять, и засеки, что тянутся на сотни верст, болота.

Надо было по-тургеневски знать землю, на которой живет народ, все обстоятельство калужской жизни, чтобы столь точно выразить нечто так потребности. О том, где удобнее было крестьянину жить, кратко говорит половецкая: «Лес к лесу крест, а безлесье неугожо ромельце». Лес для крестьянина — это и бревна на избу, и хворост на плетень, и дрова, и

сено, и грибы с ягодами, и уголь, и деготь, — так и сказано о калужском мужике: торгует дегтем. А на болоте и сено накопшиль или, на худой конец, осоку для подстилки, — не потому ли калужский мужик и маслом торговал, что, не в пример орловскому, жившему среди распаханых полей, было ему чем прокормить корову!

Нет, не красноречие, то есть чисто познавательное, значащее имеет описание Орловской и Калужской губерний в «Хоре и Калининце». Красноречие здесь привлечено для человековедения. Экономические и географические особенности позволяют понять, почему «орловский мужик невеликого роста, сутуловат, угрюм, глядит неодобрительно, тогда как калужский «высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел». И не только понять, но и поверить в достоверность изображаемого писателем народного типа. Разумеется, это еще только характеры орловского и калужского мужиков вообще, а не характер какого-либо определенного человека, но это уже доступны к его созданию. И, читываясь в тургеневский рассказ, невольно приходишь к мысли, что хозяйственная деятельность Хора и мечтательная бездельность Калининца, быть может, происхождением своим обязаны некоей общей основе, по-разному сказавшейся в этих столь разных людях, — отсутствие барицы и лесное приютило могли ведь в одном из них развить присущую ему предпринимчивость, тогда как другого эти же причины могли обратить к более свойственной ему поэтической созерцательности.

Так вот, мне думается, что и сейчас, хотя давно и прочно существует у нас по преимуществу единая, социалистическая форма хозяйствования крестьянина на земле, все же имеются какие-то местные условия и особенности, влияющие на образование того или иного деревенского характера. И пусть в знакомом мне председателе колхоза из-под Ростова Ярославского легко обнаружится нечто похожее на донского казака Нагульнова — своеобразный аскетизм, истеричность по всякому роду мелкособственническим пережиткам, революционной страстности, — все-таки в моем знакомом яти «нагульновские» черты как-то перемешиваются с чисто ростовской деловитостью, хитринкой, находчивостью.

Мало того, люди, живущие по одну сторону озера в Ростовском районе, чем-то отличаются от тех, что живут по другую его сторону. К примеру, за озером, где многолюдные села с большими, очень часто кирпичными домами, ни один праздник не обходится без шума и буйства, тогда как

на противоположном берегу, в окруженных садами сравнительно небольших селениях, по праздникам — патриархальная тишина.

Всему этому есть причины, иные из которых берут начало в глубокой древности, другие — в более близких к нам временах, и все они связаны с многими экономическими, географическими и прочими особенностями той или иной местности. К слову сказать, с этим не могут не считаться районные партийные работники, точно так же, как и со свойствами почвы в каждом отдельном колхозе, микроклиматом, исторически сложившимся направлением хозяйства. Литератору и подавно не обойтись без такого же пристального взгляда в жизнь. И здесь нет опасности впасть в грех этнографизма, как может показаться, — была бы значительная идея произведения, а подобная конкретность, своеобразие и точность подробностей послужат правдивости и поэтичности.

Когда перечитываешь иные книжки о современной деревне — правдивые, талантливые и очень нужные, когда изюм дня в день видишь, как работают многие умные, деловитые и честные районные руководители, невольно приходишь к мысли, что и литераторы и руководители сельской жизнью товарищи зачастую рассматривают колхозника с одной лишь стороны, относящейся, я бы сказал, только к его профессии.

И получается, что живет, скажем, в селе под тем же Ростовом немолодая уже, лет под пятьдесят, женщина, вдова, мать двух взрослых сыновей, из которых один в армии, а другой недавно вернулся с Донбасса в колхоз, встает она поутру, включает радио и слышит, как диктор читает статью о животноводстве или, допустим, о сево озимых.

Позднее, в обед, когда приносит почту, она берет районную газету, чаще всего единственную в семье колхозника, — и там: сводка о ходе очередной сельскохозяйственной кампании, статьи и заметки — «Продукты отставания», «По примеру передовиков», «Совет агронома».

Вечером, если мой знакомый колхозник пойдет в клуб, она увидит на стенах плакаты и лозунги все о том же животноводстве, озимом сево, слосовании, заблевой всапке, — случается, что и в кинокартине речь об этих же, но спорю, и вполне жизненно важных делах.

(Окончание на 4-й стр.)

СЕГОДНЯ в Женеве открывается совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. Народы требуют от великих держав новых шагов к международному сотрудничеству, к упрочению мира во всем мире.

ДЕЙСТВИЯ В ПОЛЬЗУ МИРА

НАДЕЖДЫ НАРОДОВ

Министрам иностранных дел, собравшимся в Женеве, предстоит продолжить переговоры о мирном договоре, начатом три месяца назад в том же швейцарском городе. Главами правительств четырех держав. Тогда, в июле, четыре государственных деятеля в директивах министра иностранных дел торжественно провозгласили общее желание «вести вклад в дело ослабления международной напряженности и упрочения доверия между государствами». Народы не забыли этих слов. Они ждут, что на нынешнем Женевском совещании провозглашенное в июле желание будет претворено в жизнь.

В повестке дня открывающегося сегодня совещания — три вопроса: европейская безопасность и Германия, разоружение, развитие контактов между Востоком и Западом. Вопросы эти сложны. Но успех совещания в конечном счете зависит лишь от одного условия — от наличия доброй воли у всех участников, от их искреннего стремления найти общий язык и прийти к соглашению.

В период между двумя женевскими совещаниями Советский Союз самым наглядным образом продемонстрировал свою верность тому, что широко известно под названием «духа Женевы». Сокращение численности вооруженных сил СССР на 640 тысяч человек, отказ от прав на военную базу Порккала-Удд в Финляндии, установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ и ряд других внешнеполитических акций показали всем народам, что значит на деле способствовать разрядке международной напряженности.

Подкрепили ли западные державы делом свои разговоры о «духе примирения», о «духе Женевы»? Пока что нет...

На днях заседания подкомитета Комиссии ООН по разоружению обнаружилось, что американские представители вообще не желают даже обсуждать проблему разоружения.

Вместо того чтобы создать прочную систему общепланетарной коллективной безопасности, некоторые западные круги стремятся включить объединенную Германию в состав НАТО. Народам совершенно ясно: такое решение германского вопроса означает опасность, а не безопасность для Европы.

Вместо того чтобы развивать культурный обмен, кое-кто в Америке объявляет международное сотрудничество в области науки и культуры «несвоевременным».

И тем не менее нет оснований предаваться пессимизму. Приверженцев «холодной войны» ждет разочарование. Миллионы сторонников мира жаждут успеха совещания в Женеве. Это их воля не дала сбыться мрачным пророчествам, в изобилии разрабатывавшимся накануне июльской встречи Глав четырех держав.

Пусть встреча министров приведет к дальнейшей разрядке международной напряженности, к концу «холодной войны», к прекращению гонки вооружений.

Когда члены английского парламента после продолжительных летних каникул вернулись 25 октября в Лондон, они увидели перед входом в палату общин множество людей. Она увидели мужчин и женщин, которые приехали сюда из всех уголков страны для того, чтобы высказать одно простое требование: «Переговоры министров иностранных дел в Женеве должны быть успешными!».

У нас стали традиционными связи между избирателями и членами парламента от соответствующих округов, хотя, к сожалению, мы не пользуемся существующим в ряде государств правом отъезда депутатов, если они плохо выполняют свои обязанности. Но так или иначе, средний наш парламентарий, независимо от его партийной принадлежности, обычно принимает представителя своего избирательного округа. Большинство делегаций, направившихся в Вестминстер, одновременно в письменном виде выразили желание встретиться с депутатами, чтобы передать им пожелания народа.

В течение последнего месяца по призыву Английского комитета защиты мира на заводах, шахтах, учреждениях состоялись митинги, на которых были избраны делегации и организован сбор средств для покрытия расходов на их поездку в Лондон. Профсоюзы, организации лейбористской партии, кооперативы, религиозные группы — никто не остался в стороне от этого начинания. Во множестве провинциальных городов были арендованы специальные автобусы для поездки; автомашин были украшены транспарантами с лозунгами: «Поддерживайте дух Женевы!», «Соедините успех переговоров!».

Развертывание этой кампании показало, каким подлинно массовым стало у нас движение борьбы за мир. В прошлом в Англии, как и в некоторых других странах Западной, не всегда удавалось придать этому движению представительность, соответствующую стремлению всего народа к миру. Политические партии и пресса, за исключением газеты «Дейли уоркер», придерживались тактики замалчивания движения сторонников мира; они хотели уничтожить его молчанием или же наклеить на него ярлык «крайне левого течения».

Теперь проводить такую тактику стало гораздо труднее, ибо «дух Женевы» овладел сознанием масс и велел радужные надежды в сердца людей, принадлежащих к самым различным слоям общества. «Холодная война» требовала непрерывной пропаганды ненависти. Людям внушали насквозь лживые представления о жизни в странах социалистического лагеря. После Женевы на такую пропаганду никто больше не реагирует. Печать, радио и телевидение были вынуждены разнаться англоязычным, что в вопросах, раздвигавших великие державы, именно Советский Союз выступил с искренними и конструктивными предложениями.

Кроме того, мы уже начинаем первые плоды расширяющихся контактов между восточными и западными странами, необходимость которых постоянно подчеркивал Всемирный Совет Мира. Главы правительств, совещавшиеся в Женеве, также включили вопрос о расширении контактов в директивы министра иностранных дел.

Горячий прием встретили у нас советские боксеры, спортсмены из различных стран народной демократии, члены научных делегаций. Печать и радио широко освещали их пребывание в Англии. У нас много писалось и говорилось о теплом приеме, оказанном кораблям британского военно-морского флота в Польше и Советской

Союзе. Когда советские моряки должны были выступить в концертной программе в лондонском «Эмпирес-холле», радиостанция «Би-Би-Си» рекламировала предстоящее выступление по радио и телевидению. Это было совершенно беспрецедентным. На концерт пришли тысячи людей. Большинство из них не принадлежит к организациям сторонников мира, не состоит в Обществе в г-ло - советской дружбы. Тем не менее они устроили советским морякам восторженную встречу. Как известно, между «Би-Би-Си» и министерством иностранных дел существует тесный контакт во всем, что касается так называемой «высокой политики». И я полагаю, что не ошибусь, если скажу: широкая популяризация концерта советских моряков была одним из моментов этой политики.

Такова атмосфера, в которой происходили встречи делегаций избирателей с членами парламента. Люди стремились к Вестминстеру с надеждой в сердцах. В отличие от прошлых лет они шли туда не для того, чтобы выразить протест. Они хотели заверить лидеров в готовности оказать им полную поддержку, если только в ходе предстоящих переговоров те будут местами стремиться к укреплению мира. Делегации выступили также и со словами предостережения, ибо по многим признакам видно, что, хотя силы мира крепнут и растут с каждым днем, враги мира также не дремлют.

Слова политических деятелей и слова генералов не согласуются. Сар Антони Иден выступает с «экспериментальным планом инспекции вооруженных сил» в Европе. Пусть этот план и не решает вопроса, поскольку он предусматривает включение объединенной Германии в НАТО, но все же он содержит элементы конструктивного подхода. Министр иностранных дел г-н Макмиллан подчеркивает в своих выступлениях, что выдвинутое Советским Союзом требование о создании системы подлинной безопасности для всех народов Европы встречает понимание со стороны английского правительства. Г-н Наттинг, представитель Англии в подкомитете Комиссии ООН по разоружению, заявляет, что в этой области теперь лишь очень немногие разделяют обе стороны.

Конференция лейбористской партии высказалась за разоружение, за запрещение атомного оружия на основе согласованного и контролируемого плана. Конференция высказалась также за развитие торговли со всеми странами, за принятие Китайской Народной Республики в Организацию Объединенных Наций, за удаление китайских войск с острова Тайвань. Конференция консервативной партии хоть и в значительно менее решительных выражениях, но тоже заявила о стремлении Англии к миру и безопасности.

Однако наряду со всеми этими конструктивными попытками решения вопросов фельдмаршал Монтгомери и другие генералы из НАТО воскрешают доженевский дух,

МИР — ЗАПАДНЫМ ДИПЛОМАТАМ: — У меня отличное настроение для работы, господа!.. Прошу вас, поспешите со строительным материалом... Рисунок художника Л. КОЦЕВА из болгарской газеты «Отечествен фронт»

выступаая за увеличение армий и запасов атомного оружия. Представители армии и военно-воздушных сил США с презрением относятся всякую мысль о разоружении.

Дрю Пирсон писал в нью-йоркской газете «Дейли миррор» 7 октября: «Объединенная группа начальников штабов определенно ждет, что осенью начнутся серьезные переговоры из-за Формозы. Не секрет также, что они намереваются ответить на любой серьезный выпад атомным оружием».

Нет сомнения, что высказывание Дрю Пирсона — пробный шар «китайских лоббистов» в американском конгрессе, которые постоянно саботировали все попытки мирного урегулирования на Дальнем Востоке. Вполне очевидно, что эта группировка в США, относившаяся враждебно к примирительной позиции президента в Женеве, теперь, когда он заболел, стремится перевести часы назад.

Весьма серьезным для британского народа является тот факт, что в Лондоне даже и не помышляли решительно ограничить от этих воинственных заявлений. А руководство лейбористской партии не обнаруживает намерения выступить официально в поддержку решений своей конференции. Напротив, один из крупнейших профсоюзных деятелей — Сам Уотсон, выступавший недавно, хотя и солидаризировался с резолюциями конференции, но бьется это в форму грубой антисоветской речи. Он отверг требование профсоюза поларных в таком решении проблемы Германии, при котором была бы исключена опасность возрождения германского милитаризма и обеспечена европейская безопасность.

Итак, народные массы должны действовать! Они не рассчитывают на чудеса. Они знают, что переговоры будут продолжительными и трудными, что проблемы, разделяющие мир на протяжении десятилетия, могут быть разрешены только шаг за шагом. Но, как сказано в Обращении бюро Всемирного Совета Мира к мировому общественному мнению, «народы не допустят возвращения «холодной войны». И об этом представителя английского народа заявили такими словами, с которыми нельзя не считаться.

Лондон, 26 октября. (По телеграфу).

От севера до юга Франции

Чертежник одного из парижских заводов Жорж Дюбуа и заведующий производством на марсельском мыловаренном заводе Мариус Манелли рассказали нам, как проходит их «второй рабочий день», иными словами, — утро до работы и вечер после нее. И мы услышали два маленьких рассказа о рабочем дне борцов за мир.

Тридцатитрехлетний, приземистый и смуглый Жорж Дюбуа, отец двух детей, живет в новом доме на окраине Парижа. — И хочу рассказать вам, — говорит он, — о работе, которую провожу, как сторонник мира. Мы устраиваем небольшие «дискуссионные собрания». Участвуют в них жители одной улицы или даже одного дома, рабочие одного цеха. Я, например, приглашаю к себе жителей нашего дома. Уже не раз я пытался это сделать. Обычно собираюсь человек десять (из двухсот жильцов), и они удобно рассаживаются у меня в столовой. На этот раз мы с женой поделились между собой подъезды. В силу, разумеется, случайного совпадения в семи из пятидесяти первых квартир, в которые я познакомил, живут семь солдат, демобилизованных несколько месяцев назад из армии, а теперь вновь призванных для отправки в Северную Африку.

«Простите!» — восклицали матери, сестры, братья и другие родственники мобилизованных. — Да, мы хотим протестовать!.. Это же сказать, что однажды я уже просил этих же соседей принять участие в митингах, организациях сторонников мира. Четыре семьи отказались довольно невежливо, заявив: «Мы не занимаемся политикой. Даже если мы не согласны с правительством, то управлять — это его дело». Теперь они забыли об этом...»

Короче говоря, в тот вечер у моих дверей позвонил 65 человек! Разместить их было абсолютно нелегко. Тогда один из присутствовавших, торговец мебелью, предложил, к моему удивлению, собраться у него в магазине. Осторожно рассевшись на новехонких диванах, стульях, кроватях и столах, мы обдумали три вопроса: положение в Северной Африке (это, несомненно, сегодня волнует большинство семей); Женевское совещание министров иностранных дел и германскую проблему.

Все выступавшие ухватывали алжирскую проблему с предстоящим совещанием в Женеве. Что касается германской проблемы, то французам не приходится особенно понукать обсуждать ее. Все согласилось, что попытки сделать рассмотрение вопроса о «соединении» Германии в рамках НАТО предварительным условием переговоров в Женеве препятствуют ослаблению международной напряженности.

Один служащий заявил: «Отказавшись посещать в Москву, чтобы способствовать ослаблению напряженности, и отозвав из ООН французскую делегацию, правительство утратило доверие средних классов».

В заключение мы написали председателю совета министров Франции письмо, в котором резюмировали все высказанные на собрании мысли, несмотря на то, что иногда

они были несколько противоречивыми. Успех этой встречи, заключил Жорж Дюбуа, настолько ободрил меня, что на следующий день собрал чертежников нашего цеха, и мы также составили письмо. Каждый из присутствующих (как и накануне мои соседи) обещал постараться организовать подобное дискуссионное собрание. Это мы, сторонники мира, называем «системой снежного кома»...

Мариус Манелли, такой же смуглый и коренастый, как парижанин Дюбуа, живет с женой и пятью детьми в одном из домов старого квартала Вобан в Марселе. Узкие и извилистые улицы этого квартала вьются, подобно горным тропам, по склонам холма, на котором расположен собор.

У нас, в устье Роны, — восклицает Манелли, оживленно жестикулируя, — можно собрать сколько угодно дискуссионных собраний, и если не вмешиваться, то они будут продолжаться всю ночь. У меня сейчас нет ни одного свободного вечера. Я уже присутствовал на семи встречах жителей моего квартала. Их проводят в кафе, и в конце владения кафе поднимается наряд из других кварталов. На одной такой встрече обитатели улицы Альфреда Мюссе бросили мне упрек, сказав, что я мог бы собрать их раньше...

В одной из квартир соседнего квартала собралось двенадцать матерей, прежде не принимавших участия в политических выступлениях. Они решили заявить протест против призыва их сыновей и написали председателю совета министров письмо, в котором, в частности, говорится: «Поскольку в ближайшее время в Женеве состоится совещание, вы должны занять такую позицию, чтобы всем странам и всем народам был обеспечен мир... Тогда нашим детям уже не будет грозить гибель».

Как видите, рассказы Жоржа Дюбуа и Мариуса Манелли очень похожи один на другой. Это доказывает, насколько эти дискуссионные собрания отвечают современным желаниям нашего народа.

Марсельец рассказал нам, что в буржуазных кварталах города на собрания приходили люди, вернувшиеся из пленных в СССР на пароходе «Баторий». «Все, что нам раньше рассказывали о Советском Союзе», — говорили они, — оказалось ложью. Мы хотим ослабления напряженности, которое позволило бы установить нормальные отношения с этой страной. Мы хотим иметь с ней торговые и культурные связи. И если Женевское совещание будет успешным, это станет возможным...»

Разумеется, добавил марсельец, эти люди имели в виду и свои личные интересы. Но одно то, что интересы промышленников и торговцев связаны сейчас с ослаблением международной напряженности и они сознают это, — замечательный прогресс!

Так проходит по всей Франции, от севера до юга, «вторые рабочие дни» борцов за мир.

Париж, 26 октября. (По телеграфу).

Чувства „среднего итальянца“

В эти дни «средний итальянец» жадно продолжает глотать информацию, касающуюся Женевского совещания четырех министров иностранных дел. Под средним итальянцем я понимаю такого итальянца, который не принадлежит ни к рабочему классу, ни к передовому крестьянству. Он не голосует за левые партии и даже не поставил своей подписи под воззваниями Всемирного Совета Мира, а если бы и подписался под этими воззваниями, то предпочел бы, чтобы никто об этом не узнал.

Речь идет о важном и иногда весьма сложном представителе итальянского общества. Он, например, покупает газеты крупной буржуазии вовсе не потому, что надеется найти в них истину, он испытывает удовлетворение скорее оттого, что придерживается совершенно иных, чем эти газеты, взглядов. Или ему попросту нравится прятаться в скорлупе своего скептицизма, своего неверия и своего наипривычного безразличия.

Этот средний итальянец следил с известным скептицизмом за подготовкой к июльской встрече Глав правительств четырех держав. Все правительственные партии Италии были единодушны в том, что необходимо уничтожить коммунистическую партию, что коммунистами и с социалистами не следует обсуждать какие-либо вопросы и что правительство не должно принимать никаких мер, направленных к разрядке международной напряженности. Это были решительные и упрямые «континты», которые равнодушно взирали на пораженные кризисом отрасли национальной промышленности, которых ничуть не трогало то, что число постоянных безработных в стране достигло ужасающей цифры в два миллиона. И несмотря на все это, они были полны решимости игнорировать восточные рынки, Советский Союз и Китай.

В лабиринте этих противоречий средний итальянец продолжал следовать логике своего инстинктивного консерватизма. В газетах он читал, что разрядка в международных отношениях была невозможна только по вине коммунистов, что Советский Союз настоящим миром не хотел.

Когда Главы правительств четырех держав действительно встретились, средний итальянец не сразу сдвинулся со своих традиционных позиций. Он по привычке продолжал думать, что международные совещания ничего не могут разрешить.

И вот пришло известие об успешном завершении переговоров. Средний итальянец прочел заключительное сообщение, и оно произвело на него огромное впечатление. Что-то новое произошло в мире: его традиционный скептицизм был нанесен первый удар. И когда в последующие дни он читал свою обычную газету и слушал по радио речи политических деятелей, которые обходили молчанием результаты пе-

реговоров в Женеве, все это уже раздражало его. Нельзя забывать, что этот средний итальянец довольно умен, хотя и не принимает активного участия в политической жизни. Теперь уже было невозможно убедить его в том, что «не следовало» вступать в переговоры с коммунистами, то есть что не следовало рассуждать. Средний итальянец считает, что только ослы лягутся вместе того, чтобы спорить.

После встречи Глав правительств четырех держав, прочитав заключительное сообщение, наш герой снова встретил на своем пути тех же журналистов и тех же борщиков «холодной войны», которые остаются верными самим себе. Но средний итальянец теперь понял, что «холодная война» была не чем иным, как профессией, ремеслом, злодейской специальностью, и что в Италии с окончанием «холодной войны» кое-кто остался бы без работы. Он иронически наблюдал крах сложных «теорий», объясняющих современный мир. Многочисленные пророки «холодной» и «горячей» войны предстали перед ним как люди, окончательно запутавшиеся в своих противоречиях, в своих ошибках и в своей старой лжи.

Главное во всем этом то, что средний итальянец впервые со всей ясностью понял, что итальянские правящие круги отстали, что мир ушел вперед, что в нем совершаются важные события, о которых ему, среднему итальянцу, ничего не сообщалось. Он почувствовал, что его обычные источники информации обманывали его, он понял, что его недобросовестность была несправедливой, что его прежние пессимистические взгляды, которые он считал проявлением здравого смысла, в действительности были простой ошибкой.

И теперь он твердо усвоил себе новую истину: он не может забыть о том, что коммунисты, прогрессивные силы, в течение многих лет признают к разрядке в международных отношениях, что они всегда возглавляли движение в защиту мира, что они подвергались огромному риску и понесли много жертв, чтобы донести в каждый дом, во все города и села воззвания Всемирного Совета Мира. Он не может забыть, что в Италии были свои жертвы, свои мученики в борьбе за мир.

Сегодня средний итальянец с новыми мыслями обращает свой взор к рабочим, к передовым слоям крестьянства, к коммунистической и социалистической партиям. Для среднего итальянца Женевское совещание «Большой четверки» явилось самым важным событием послевоенных лет. Он ждал, что совещание министров закрепит и разовьет успехи июля. Настроения недоверия и безразличия, широко распространенные раньше в Италии, сменяются сегодня новыми надеждами и новыми идеалами: итальянский народ идет вперед.

Рим, октябрь.

Деревенские заметки

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

О них — и только о них — говорит и любой районный работник, приехавший в колхоз и выступивший с речью на собрании; попутно замету, что только на собрании может услышать его моя знакомая колхозница, так как зайти к ней в избу он никогда не догадается.

Наконец, и писатель в своем очерке, рассказе или романе, который услышит по радио или прочтет пожимающая вдова либо кто-нибудь из ее соседей, — писатель тоже очень часто обращается к людям деревни с теми же словами о животноводстве, заблывшей впащине, словосочинении.

Спорю нет, человек интересен и значителен прежде всего делом своим, и все, о чем говорят моей знакомой колхознице и ее соседям радио, газета, кино, товарищи из района и литература, — все это живо волнует их, потому что составляет основу существования, приносит радость или огорчение, питает мечты и надежды.

И все же не одним только производством исчерпывается понятие «жизнь», в частности деревенская. Боль скоро речь о литературе, — да и к партийной работе это имеет касательство, — то для нее человек важен во всем многообразии его интересов, мыслей и чувств, тем более, что и с производством они соотносятся.

Но почему то принято считать, что если не производство, тогда — любовь. Только вокруг изображения писателем того или другого по большей части и ведутся разговоры во многих критических статьях. Однако жизнь богата не одной лишь работой и любовью.

Моя знакомую пожилого вдову, кроме колхозных дел, занимает еще и то, как живет и служит ее сын в армии, и скоро ли женится другой сын, недавно вернувшийся в деревню, и какво живет медикатору, стоящему у нее на квартире, а теперь уехавшему в Москву, и скоро ли закончат реставрацию кремля в городе, и какие товарищи привезли в лапку, и куда делась доска, которую она прошлым летом встретила в лугах, и что это за песня пели девушки вчера на беседе...

А соседка моей знакомой, оставленная мужем с кучей ребят, озабочена их воспитанием. А в другой избе по соседству, где

5. Кто из горожан, кому сейчас под пятьдесят, не согласится с тем, что первую любовь к деревне, к народу пробудили в нем тоненькие и яркие, терпко пахнувшие краски, отпечатанные крупными буквами книги, на страницах которых жили обыкновенные русские крестьяне: дедушка Мазай, Хорь и Калынич, Герасим...

Позднее, повзрослев, мы перечитывали эти книги уже в других, «выросших» изданиях, наряду с Некрасовым и Тургеневым читали и снова перечитывали других подвижников литературы нашей, живописавших своим словом народную жизнь. И наша любовь к народу мужала, становилась действительной, творческой. Дело здесь не только в том, что писатели прошлого отлично знали социальную и экономическую стороны деревенской жизни, — с этим мы могли познакомиться в книгах экономистов и социологов, — дело еще и в том, что эти писатели знали, ведали человека, умели находить разные художественные точки зрения, позволявшие им, рисуя одну сторону жизни крестьянина, и то же время изображать ее всесторонне, с почти скульптурной выукловостью.

В некроисеком «Дедушке Мазая» нет ни строчки о том, каков Мазай на пашне, на мерской сходке, с вянком, — он изображен, казался бы, лишь охотником.

Но вот мы знакомимся с деревенской, где живет старик:

Летом ее убирая красиво, Истари хмель в ней родится на диво, Вся она тонет в зеленых садах; Домкич в ней на высоких столах (Всю эту местность вода понимает, Так что деревня весною всплывает, Слово Венечина). Старый Мазай Любит до страсти свой низменный край.

И это не просто пейзажный фон, на котором дан портрет; чтобы поставить на точной ниве деревенку, насытить здесь сады, развить хмель, потребовался иконописный и терпеливый мужицкий труд, соучастником которого мы представляем себе и Мазая, тем более, что и на старости лет дел этот неумтом и любопытен к жизни:

...Торной дорогой ходить ему — скука! За сорок верст в Костромю напрямком Сбегать лесами ему ничто...

поямному каждому с детства эпизоде, когда Мазай весной, в половине, спасает тонущих зайцев и выпускает их на волю.

Позд изобразил не охотника, а человека. Позволил себе напомнить еще и очерк Успенского из цикла «Кой про что» «После урожая». Речь в нем о весьма прозаическом деревенском происшествии: молодой крестьянин по поручению своего попа идет на ярмарке за три рубля вытканые женой холсты, но, соблазнившись возможностью увеличить этот «капитал», проиграл все деньги в так называемую вертушку — род рулетки. В этом рассказе-очерке писатель обходится не только видна патриархальная деревенка, куда после редкого в тамошних местах урожая нахлынуло влду то, что обычно сопутствовало разрушающему старике деревенские устои капитализму: барышники, торговцы, спекулянты, «свертучицы»...

И не одна лишь бесповоротная крестьянская нужда изображена в этом очерке. В очерке изображены еще и люди, прежде всего — обаятельный тип испанской русской крестьянки, о которой писатель говорит: «Иногда невозможно не удивляться той массе забот, которые добродушно вваливаются на себя женщины такого типа; буквально без конейки, привитившие где-нибудь в углу, она работает из-за каждой картофелины, яйца, до же время няички режет, таскает их всех с собою на речку, на работу; тут же забывает их, ухитряется достать гостиницу, найти возможность сказать сказку, развеселить, и в то же время сама не спит, не ест. Не муж ей нужен, а ей нужна неприкосновенность ее и семьи, и мужа своего она сама гонит на работу».

Писатель не показал того, о чем речь в приведенном выше отрывке, молотая крестьянка изображена им во время разговора о случившейся беде с вырученными за холсты деньгами, но все в очерке — подробности обстановки, портрет женщины, ее слова и слова мужа, — все убеждает нас в том, что героиня именно такова, какой представляется она писателю.

Нет нужды множить примеры. Они! реалистической русской литературы прошлого, как и весь онгй литературы советской, — неперомимо свидетельствует, что подлинно народные характеры создаются писателями в том случае, когда они отличают и дело человеческое и самого человека. То и другое и есть, собственно, челоководство.

Что же касается нравственного, духовного облика Мазая, то он раскрывается во всей чистоте, во всем благородстве в том,